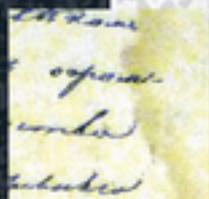

ГРАНИ
ФИЛОСОФИИ

С. Д. Лобанов

О природе
философии

DirectMEDIA

Сергей Лобанов
О природе философии

«Директ-Медиа»

УДК 1
ББК 87

Лобанов С. Д.

О природе философии / С. Д. Лобанов — «Директ-Медиа»,

В монографии анализу подвергается природа философии. Цель исследования заключается в раскрытии возможности философии, реального содержания (определения) философии. Для достижения этой цели в исследовании ставятся задачи дать аналитику системы определений философии, которую образуют отношения философии и мировоззрения, философии и науки, философии и образа жизни и т.д. Логика исследования образует его структуру, а именно: (общее) введение в философию, анализ философии как вопрошания (проблемного мышления) и отношение к научному познанию в виде «философии науки». Анализ вопроса, как возможна философия, данный в монографии, имеет принципиальную направленность на доказательство пользы философии для мировоззренческих поисков, создания (научной) картины мира и понимания современной философии науки. Монография предназначена для студентов, аспирантов и преподавателей, а также всем интересующимся современной философией.

УДК 1
ББК 87

© Лобанов С. Д.
© Директ-Медиа

Содержание

I. Введение в философию	6
Предисловие	6
Глава 1. Особенности философии	19
1.1. Понятие и виды мировоззрения	21
1.2. Философия и мировоззрение	28
1.3. Философия и наука	33
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Сергей Лобанов

О природе философии

Посвящается Даниилу Валентиновичу Пивоварову

Без философии с человеком случаются ужасные вещи.
Г. К. Честертон

I. Введение в философию

Предисловие

Слово в современном мире можно сравнить с *вирусом* (от лат. *virus* – яд) – универсальным, проникающим повсюду явлением, *существующим на границе* живого и мертвого, полуреальным носителем различных, прежде всего разрушительных для живого, воздействий. «Полу-реальность» слова означает, что оно все более становится частью *символического обмена* в обществе, когда посредством всеобщих символов-подобий (пластических движений и материалов) естественные явления, вещи и события заменяются на искусственные, например, «живой голос» на его тот или иной вид записи. Естественное в этом процессе не исчезает, но становится производным, зависимым от искусственного. Другими словами, возникает особая, *виртуальная* (от лат. *virtus* – качество внешнего проявления, доблесть, внутренняя сила), созданная человеком реальность. Слово-знак оказывается элементом невероятно разрастающейся системы виртуального, прежде всего в средствах массовой коммуникации, настолько, что слово все более «забирает» энергию у природных стихий, приобретает их силу и, далее, превосходит их – становится иным, чем-то «сверхъестественным». Тогда слово из средства отождествления, установления смыслов и значений превращается в постоянно ускользающую от анализа цель. Например, в современном мире панический ужас может быть вызван сообщением о некотором явлении, но не самим явлением, которое, лишенное своей естественности, напротив, может вызывать притягательный интерес и любопытство. С этой точки зрения, современная культура характеризуется универсальными возможностями, по сравнению с прошлыми эпохами, и *усилиями сделать все видимым, слышимым – выраженным*.

Это обстоятельство хорошо передается формулой: «Существует то, о чем можно что-то сказать, или что можно как-то выразить». Эта формула усиливается её обращением, а именно следующим положением: «То, о чем сказывается, только это и есть, существует». Подобные усилия-усиления-утверждения ведут к тому, что Слово («Логос») стало языком-словами, а язык – набором сигналов, любых материальных явлений, меток, т.е. следов-следствий некоторых событий или действий. Поэтому, например, произнесение, написание, прочитывание слова «философия» вызывает различные ряды воздействий-впечатлений (звуковых, зрительных, моторных и т.д.), которые ведут в качестве следов-меток к различным представлениям о философии – от весьма скучной и ненужной вещи до чрезвычайно возвышенного дела. В случае учебного курса, например, философия – это то, что читается на лекциях преподавателями и сдается (обратно) студентами на экзамене.

Предварительная и самая первая встреча с философией происходит при знакомстве с услышанным или прочитанным словом «философия», которая может продолжиться чтением какого-либо словаря для определения значения этого слова. Однако в этом случае всегда будет сохраняться ощущение или понимание того, что философия здесь только слово-след еще неизвестно чего. В то же время значения слова «философия» скрывают в себе истину того дела, явления, события, которое этим словом обозначается (отмечается). Этимология (учение о значениях слов) входит в учение об истине. Это означает: исследование того, что такое философия, вполне может иметь своей основой-началом анализ слова «философия».

Итак, [1] *философия* (греч. *fileo* – люблю и *sofia* – мудрость) – это любовь или стремление к мудрости, смыслу.

Однако, что такое мудрость? Если философия – это стремление к смыслу, мудрости, то это означает, что *необходимость философии* определяется тем, насколько люди *нуждаются*

в мудрости. Обычно мудрость связывается со знанием сути жизни, умением достичь счастливой, блаженной жизни и её продления, житейским опытом (опытом глубоких переживаний) и пожилым возрастом. Против этого утверждения может быть выдвинут довод (лат. *argumentum*): *счастье* столь неопределенно, неуловимо и непостоянно, что всегда возникает сомнение в его существовании, а сами по себе ни возраст, ни житейский опыт и «знание жизни» не сопровождаются появлением подлинной мудрости, весьма ограничены, и есть, к примеру, немало пожилых людей, отмеченных лишь внешними чертами мудрости, *а где её взять молодым?* Кстати, это обстоятельство служило предметом обсуждения для древних философов – в каком возрасте следует начинать занятия философией? Не рановато ли в юности и не поздно ли в старости?

Следующий шаг в понимании того, что такое философия, может заключаться в отношении *философии- мудрости* к тому, что древние греки называли *эпимелея* (греч. *epimeleia*) – заботой о себе, связывая её с гигиеной тела, гимнастикой, уходом за своим окружением (домом и близкими) и, главное, заботой о своем уме.

[2] *Философия – это забота о себе, прежде всего забота о своем уме. (Философ тот, кто заботится о своем уме).*

Философия-мудрость тождественна образу жизни человека. Как человек мыслит, какие разделяет философские принципы, так он и живет. Это – прежде всего практическая философия, основа действий человека, направляющая его поступки, особенно в переломные моменты жизни индивида и переходные эпохи истории. Здесь *личность философа и есть его философия*, или так: *личность и философия тождественны; философия есть история личности, её образ жизни, то, что происходит с чело-веком.*

Положительное значение, отличное от отрицательного принципа *эгоизма*, принципа *заботы о себе* заключается в установлении *места* – топологии (греч. *topos* – *место*) *истины*, а именно: индивида, каждого отдельного человека. В самом деле, каким образом существует истина? Понятие истины парадоксально в том смысле, что истина имеет по своей природе объективный, безличный характер, с одной стороны, и личный по своему предназначению – с другой. Другими словами, является ли истиной то, что никоим образом не затрагивает, не волнует человека, не воздействует на него и изменяет (преобразует) его? Принцип заботы о себе раскрывает *живую истину, способность человека быть местом-носителем истины, когда истина вообще воплощается в истинных чувствах, мышлении, поступках, воле и т.д.* Принцип заботы о себе предполагает работу над собой, возделывание себя, своеобразную дисциплину чувств, тела, ума, что обозначается словом *культура* (лат. *cultura* – *возделывание, обработка, уход*)¹.

Это обстоятельство ведет к следующему определению философии.

[3] *Философия – это культура ума (мысли).*

Принцип заботы о себе означает, что истинное начало понимания мира и жизни следует искать в себе, а не вовне. Человек не может существовать без внешнего мира, природы, других людей. Ему просто необходимо давление внешних впечатлений для нормального существования в качестве живого организма. Однако при соприкосновении с вещами человек всегда имеет дело с их внешними (здесь можно позволить себе слово *вещными, вещественными доказательствами*) проявлениями, настолько, что любое движение «вглубь вещей» завершается познанием поверхностей вещей. Конечно, на это можно и нужно возразить: понятие *вещи* является обобщением, и на самом деле *вещей не существует, а есть события* и их последствия, которые и являются действительными предметами воздействий и познания. Этим аргументом подтверждается, но в другой терминологии, сказанное выше,

---

¹ Фуко, М. Герменевтика субъекта. Курс лекций в Коллеж де Франс, 1982. Выдержки / М. Фуко; пер. И. И. Звонаревой // Социо-логос. Вып. 1. – М.: Прогресс, 1991. – С. 284–311.

а именно, внешний характер того, с чем имеет дело человек в своих действиях. Это и означает принцип *реализма*: источником познания и истины признается независимая от человека действительность.

Однако есть и другой путь к действительности. Это – погружение, проникновение в свои первичные восприятия, в котором отсутствует деление на внешнее и внутреннее. Такое проникновение в точку (момент) восприятия показывает: если впечатление осталось неподвижным (лишь моментом), то здесь не произошло открытие сути мира; если же восприятие становится непрерывным, длительным, то восприятие становится тождественным и открытым самому потоку жизни, и поэтому – истинным. Здесь изложена позиция французского философа *Анри Бергсона (1859–1941)*.

Последний подход совсем не означает субъективизма или волюнтаризма, принципов, согласно которым *всё* (или почти всё – *основное*) *зависит от человека, индивида или общества*. Этот подход указывает на отправную точку в познании истины и мира, к которым уже не требуется приписывать свойство «внешнее». «Внешнее» предполагает безразличное, *поверхностное* отношение, которое, без сомнения, имеет свои преимущества: дает возможность рассматривать мир в качестве явления, представления, однородности, наблюдаемости, фактичности, измеримости и т.д. Однако в этом случае возникают сложнейшие вопросы движения к внешнему, его основах, причинах, направлениях, средствах, целях, задачах, последствиях и т.д., которые так или иначе решаются через *разрешение вопроса о совпадении, тождестве с внешним, субъективного и объективного, внутреннего и внешнего*.

Признание *началом самого себя* – это не отрицание признания внешнего мира в качестве источника существования, а вывод, добавим – *философский вывод и принцип*, сделанный из признания внешнего. *Принцип автаркии* (букв. греч. *autos* – сам и *arhe* – начало) означает *возделывание самого себя*, культуру себя, для того чтобы быть способным возделывать внешний мир. Иногда в этой связи спрашивается, когда следует начать заниматься философией? По-видимому, тогда, когда возникает потребность в росте и развитии ума.

В этом смысле принцип заботы о себе, или культуры себя, является прекрасным введением в философию, истоком её происхождения. Философия есть явное или неявное осознание основ жизни отдельного человека, общества и исторической эпохи.

[4] *Философия есть осознанная сущность (квинтэссенция) своей эпохи (времени), её самосознание.*

Познание внешнего мира является формой эволюции человеческого рода, его выживания в природной среде, приспособления к ней, её активного изменения. Однако познание выражает и эволюцию другого рода, а именно: *развертывание в качестве внешней поверхности интересов, потребностей, умственных, сенсорных (от лат. *sensus* – чувство), имажинативных (от лат. *imago* – образ, воображаю) и т.д. способностей людей*. Эта поверхность является своеобразным зеркалом, отражающим образ человека и общества некоторой эпохи, возвращающим человеку его существенные свойства и возможности. Осознанием этого отражения человека в его мире и делах является философия. Здесь преобладают формы собственного: *не мир вообще, а мир человека, не бытие вообще, а бытие-в-мире, человеческое бытие; не время как таковое, а переживание человеком времени; не пространство, а место человека в ряду других живых существ и космосе в целом*. Философия – это своеобразное возвращение человека к самому себе от «растворения» в процессе овладения внешним миром. *Возвращение к философии (Ренессанс философии)* всегда связано с попытками разобраться, что осталось от человека в его внешней активности.

Философия – это не создание, конструкция или игра какого-либо сознания, а само сознание. Самосознание оказывается мериллом (критерием) свободы и самостоятельности человека, а также мерой ответственности. Дело не в вынесении суждений (оценок) эпохе или времени, а в его понимании. Философию можно рассматривать с точки зрения её соци-

альных источников в качестве выражения отношений между людьми. Поэтому философию довольно часто смешивают с идеологиями, политической риторикой и их толкованиями. Подлинная философия тождественна пониманию своего времени в том смысле, в каком схватывает его суть, основы, и в этом процессе выделения, очищения этой сути философия оказывается весьма далекой от того, что представляется насущным. Например, важнейшей проблемой для современной философии является вопрос об *отношении разума и экзистенции*, который может быть выражен в виде конкретных вопросов об отношении *тотального (всеобщего) и индивидуального, общей воли и личной свободы, безличного (анонимного) порядка и своеобразии каждого индивида, подлинного существования и растворения во все нарастающих формах обмена, жесткого индивидуализма (нарциссизма) и потребности в другом*, и т.д. Следует заметить, этот вопрос является реальным продолжением традиционного вопроса философии, а именно, вопроса об отношении *мышления и бытия*.

[5] *Философия – это обращение (возвращение) к человеческому.*

Философия в поисках оснований как бы стремится вернуть человека к «первобытным», изначальным чувствам, представлениям, мышлению. Все утонченные современные средства воздействия на природу и людей – это лишь средства, и должны быть отброшены при непосредственной встрече с явлениями. Самый верный инструмент познания – это тело человека, но в силу своей «неустановленности» (неопределенности, ведущей к отождествлению с пустотой-ничто) в мире, человек обречен быть естественным и искусственным, непосредственным и опосредованным, рациональным и стихийным существом, мыслимым только посредством подобных противоположностей и всей их суммы. Изначальная космическая неустроенность человека делает из него *эксцентрическое существо, ищущее своё место в мире*. Человек стремится преодолеть свою недостаточность посредством овладения внешним миром – источником высшего, всеобщего, гармонии и целостности, и возвращением с помощью этих ценностей к себе. Такой подход представлен в концепции немецкого философа *Хельмута Плеснера (1892–1985)*.

Согласно другому подходу, человек – это необходимая часть вселенной, обладающая формами всеобщности, например мышлением и символами, без которых мир остается в хаотическом состоянии. Человек – это звено или посредник (медиум), без которого мир оказывается неполным и случайным. Это другая форма стремления к всеобщему: от мира к человеку, которая иногда выражается в так называемом *антропном принципе*. Без человека (как родового, так и индивидуального существа) мир является недостаточным, ущербным. Здесь человек – решающее звено в понимании законов природы.

В этих подходах выражается нечто общее – стремление ко всеобщему. Это ведет к следующему определению философии.

[6] *Философия – это осознание (установление) всеобщего.*

Любое философское учение является ответом на вопрос, что такое всеобщее. Из истории философии можно привести примеры решений этого краеугольного для философии вопроса.

I. *Всеобщее существует реально* и является другим, *логическим* обозначением природы, сущего, материи, духа и т.д. Таким всеобщим может быть нечто всегда постоянное: мировая константа, мировая линия, структура (которой соответствует старинное философское понятие «субстанция»), элементарная частица и т.д.

II. Всеобщее – это не формально-логическое понятие, когда согласно закону соотношения объема и содержания понятия всеобщее (родовое) по объему понятие оказывается пустым по содержанию. Всеобщее связано с объяснением и пониманием, которые возвышают, поднимают отдельные явления до всеобщего.

Тогда, к примеру, дыхание становится Жизнью, Духом или Душой, материал (вещество) – Материей, происходящее (событие) – Историей, существующее – Сущностью,

образы – Сознанием, характер действия – слабой или сильной Волей, утверждение – Бытием, отрицание – Ничто, первое во времени – изначальным или Первоначалом, постоянное в изменчивости – Субстанцией, источник активности – Субъектом, и т.д. Объяснение предполагает нахождение своего основания, *понимание-наделение смыслом*.

Наделение части значением исходного понятия (явления, события) дает основу принципа *меризма* (греч. *meros* – часть), а целого – *холизма* (греч. *holos* – целое). Страдание (в пределе – смерть) может пониматься и в качестве того, что отнимает у жизни её смысл, и того, что наделяет индивида собственно человеческими качествами.

III. Понятие всеобщего открывает другое измерение существующего – *возможность*.

В данном случае следует ограничиться двумя значениями возможного:

1) всеобщее связано с действием обобщения, и здесь возможность открывается через ошибки при обобщении (поспешное, чрезмерное, необоснованное, переход в другой род (смещение) и т.д. обобщение) и посредством *предела обобщения*; возможное здесь – проявление силы, мощи человеческого ума, способного находить всеобщее и устанавливать его в качестве заранее данного, или *a priori* (лат. «из предыдущего»), а также *a posteriori* (лат. «из последующего»).

2) всеобщее – это объемлющее, которое охватывает не только действительность, но и скрытую способность к изменению, ещё лишь намечающееся; например вечность – это не вневременная сущность, а скорее постоянное, непрерывно длящееся явление, настоящее в качестве расширяющегося мгновение, которое оказывается наполненным чрезмерным содержанием и этим отличается от пустоты однородно-временного отрезка.

Возможность – это всегда нечто подвижное, уходящее и уводящее в прошлое, тождественное началу (априори), или направляющее в будущее и завершающее в нем (апостериори).

IV. *Всеобщее – это норма*, требование, которое создает определенные явления, более того – строго определенные явления, например, регулятивные идеи, право, идеалы и образцы искусства и морали. Всеобщее представляет собой условие существования таких явлений, обосновывает их право на существование. Такие явления *должны* существовать, при всей неопределенности и противоречивости *их сущего*. И все же они с необходимостью предполагают существование всеобщим образом, в качестве всеобщего.

С этой точки зрения всеобщее лежит в основе философской проблемы *различения и отношения сущности и существования*. Эта проблема имеет одним из своих источников представление *о мире как порядке зависимостей*. На вопрос, чем определяется сущее, сам собою напрашивается ответ: существенным, главным. Однако, парадоксальным образом «сущность» – понятие, образованное от «существования», сущего, имеет значение всеобщего и поэтому строго определенного, сохраняет свой производный смысл. «Сущности» – это *не реальные, а идеальные понятия, охватывают и тем самым определяют* (обозначают предел: *де-термин-ируют*) явления или события. В этом определении с необходимостью устанавливается их смысл. Сами же нормы, идеи, идеалы не имеют (реального) смысла, а лишь обозначают его с определенной мерой строгости. Например, это идеи бесконечности или конечности мира, идея единства мира, идеи простого (элементарного) и сложного (комплементарного), истины, добра, красоты и т.д. В терминологии учения *Иммануила Канта*, идеи, сущности имеют регулятивное (направляющее) значение.

Нормы, идеи и сущности – это обобщения, которые собирают в себе предельное содержание настолько, что невозможно сказать, что это такое. Например, все попытки философов определить понятие *бытия* кажутся безуспешными. Само собой разумеющееся представление о бытии в философии в качестве идеи становится неимоверно парадоксальным: одновременно предельно простым (следовательно, пустым) и предельно сложным (следовательно, не имеющим предела по содержанию).

В *принципе тождества сущности и существования* хорошо видно своеобразие философского мышления, которое своими идеями замещает все сущее. Конечно, жить такими идеями невозможно, но они необходимы для понимания жизни с точки зрения очертания её границ. Путь философии начинается с идеи существования. Этот путь никогда не может быть завершен, и более того – иметь начало. Идеи всякий раз останавливаются у границ существования. Другое направление – от существования к идеям, охватывает виды, *модусы* (лат. *modus – вид*) существующего, и останавливается на понимании того, что *нечто существует, а что это такое, неизвестно*.

Это означает, что началом философии служит не разделение на *идеи и существование* и последующее рассмотрение отношения между ними, а открытие *идей существования*, когда идеи и существование берутся вместе. Это обстоятельство может служить аргументом против философии, поскольку в этом случае философия есть сфера родовидовых отношений, или порождения и подчинения.

Подобная парадоксальность показывает два вида всеобщего (сущности и существования) и подводит к следующему определению философии.

V. *Всеобщее – это первоначальное во всех его смыслах*².

Здесь всеобщее имеет значение *единого, лежащего в основе всего и охватывающее собой все – существующее и несуществующее*. Единое – это первичное, существующее независимо от всего, в том числе времени и любых изменений, и определяющее все.

Положение (статус) универсального характера философских понятий показывает источник всех философских проблем, их решений и суждений о них. Вся история философии – это примеры нахождения и утверждения тех или иных видов всеобщих явлений, их первоначального значения, доказательств и опровержений достоверности принятия чего-либо за первоначальное и всеобщее. Характерным примером служит противоположность *идеализма* (греч. *idea, eidos – идеальная форма, вид*) «*линии Платона*» и *гилеморфизма* (греч. *hyle – материал, материя и morphe – форма*) «*линии Аристотеля*». В средневековой философии эта противоположность нашла развитие в другой противоположности – между *реализмом и номинализмом*, а в философии Нового времени – между *рационализмом и эмпиризмом*. Если Платон открыл, установил *первичность* сверхчувственных, чистых форм, идей, то Аристотель – *единство* форм вещей и их материала. То, что это противостояние не было чудачеством или лишь словесной перебранкой мужей-философов, доказывается его существованием, претендующим уже на статус «вечного», в современной мысли. К примеру, вопрос, *существуют ли числа сами по себе*, чистые формы, лишённые конкретного содержания (100, а чего?), имеет в современной математике, царице наук, утвердительное решение.

Следующее определение философии является продолжением и развитием предыдущего.

[7] *Философия есть следование всеобщему (или: исследование всеобщего)*.

Древнегреческий философ *Гераклит* (около 540–480 г. до н. э.) утверждал: «Надо следовать всеобщему»³. Как возможно указанное следование, и, следовательно, сама философия? Древние мыслители считали, *подобное познается подобным*, прежде всего *посредством идея*. Последнее закрепилось в языке суффиксом – *ид*, образованного от слова *идея* (от греч. *eidos – вид, образ*): *антропиды* (человекоподобные), *астероиды* (имеющие вид звезды) и т.д. На современном языке сущность познания образует отношение *тождества и разли-*

---

² «*Всякое всеобщее, каждый топос некогда были изначальными*». – Ясперс, К. Всемирная история философии. Введение / К. Ясперс; пер. с нем. К. В. Лошевского. – СПб.: Наука, 2000. – С. 232. «Топосы» (от греч. *topos – общее место*) – общее в мышлении, языке, споре, обсуждении.

³ Цит. по: Бибихин, В. В. Язык философии / В. В. Бибихин. – М.: Изд. Группа «Прогресс», 1993. – С. 107. Ср. с переводом А. В. Лебедева: «должно следовать общему» // Фрагменты ранних греческих философов. Часть 1. От этических теокосмогоний до возникновения до возникновения атомистики. – М.: Наука, 1989. – С. 198.

чия. Это означает, что всеобщее познается во всеобщих формах, прежде всего – языке. Под всеобщностью языка понимается его тождественность с космосом, бытием, жизнью или каким-либо другим мировым началом. Такая тождественность отличает язык от другой всеобщности и другого «языка», связанных с искусственной универсальной применимостью знаков, которые стремятся заменить собою все вещи и, более того, – создавать новые вещи, новые реальности и новых людей, а также новые формы зависимостей. Такую всеобщность можно назвать «дурной», поскольку она опустошает естественное или неповторимое. Цветок можно заменить его описанием, пусть даже гениальным, поэтическим, и вызвать более утонченные переживания, чем простое его созерцание, однако цветок всегда будет сохранять свою естественную непонеповторимость и нерукотворность, тождественную с неделимой красотой всего мира. Здесь вполне уместен вопрос-проблема: *Необходимо ли следовать языку, и если да, то какому?* Сказанное имеет свое продолжение в следующем определении философии.

[8] *Философия – это предельное внимание к языку (слову) и миру (жизни).*

Как настаивает современный отечественный переводчик и философ *Владимир Вениаминович Бибихин (1938–2004)*, «Философия – мысль, отпущенная до пределов внимательного понимания»⁴.

Служение философии всеобщему является своеобразным пробным камнем философии. Дело в том, что в современной мысли всеобщее, как и подавляющее множество других философских и научных понятий, рассматривается *операционально* (лат. *operatio – действующую*), т. е. с точки зрения исследовательского действия, например теоретического конструирования, вычислений, эксперимента и т.д. *Всеобщее, сложное или простое* – это значения понятий, создаваемые или подтверждаемые действиями. Например, всеобщее (универсальное) – это нечто постоянное в некотором множестве действий (преобразований), а именно: понятия формальной логики как схемы внешних действий человека, физические постоянные, культурные универсалии, праязыки и т.д.

Процесс нахождения всеобщего в действиях является открытым, поскольку всегда есть стремление, к примеру, *что-то сделать проще простого*.

Вопрос о поисках чего-либо и о путях к нему предполагает решение вопроса о средствах. Например, сами по себе действия оказываются неопределенными и незавершенными, если не выражаются при помощи соответствующего им языка.

Корень вопроса о всеобщем заключается в средствах его достижения. Для философии характерны прежде всего *созерцание* (непосредственное видение, интуиция), *рефлексия* (мысль, обращенная на единство своего предмета и основания; мысль, возвращенная от предмета к себе в качестве ответа на запрос, сделанный предмету), *общение* (*сообщение, коммуникация*) – передача мыслителями своих идей, их доказательство или опровержение. Сразу же следует заметить, что *созерцание (интуиция), рефлексия и коммуникация* далеко не всегда считаются собственно философскими средствами, поскольку присущи другим видам интеллектуальной деятельности, или же, более того, как раз не присущи философии, когда, например, философия – не столько *место общения по поводу истины*, сколько *бесконечные, пустые споры, дискуссии ради утверждения превосходства*, в которых позиция противника либо замалчивается, либо искажается до неузнаваемости так, что складывается впечатление: философия – это диалог «глухих», буквально – *абсурд* (лат. *ab surdum – от глухого, с глухим*)⁵.

Язык философии – это её средоточие, сердце. Поэтому аргументом против философии служит именно утверждение *бессмысленности слов* (предложений), составляющих её зда-

---

⁴ Бибихин, В. В. Язык философии / В. В. Бибихин. – М.: Прогресс, 1993. – С.383.

⁵ Делёз, Ж. Что такое философия? / Ж. Делёз, Ф. Гваттари; пер. С. Н. Зенкина. – М.: Ин-т экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 1998. – С. 15–16.

ние (тело). Философские предложения ничего не означают, а являются скорее выражением эмоционального, сравнимого с поэтическим, чувства жизни. В самом деле, понятие *ничто* есть отражение чувства пустоты человеческого существования, переживания *ничтожности*, тоски, одиночества, тщетности всех усилий и т.д.⁶ На аргументы, подобные приведенному, можно ответить так: *проблема философии, её природа, место (статус) среди других видов деятельности и способы существования заключаются в предельности философского мышления*. Предельности, т.е. во внимании к границам человеческих способностей. Философия всегда *находится* (буквально: «и быть расположенной», и «быть достигнутой») на *горизонте сознания*, видимого и невидимого, непосредственного и опосредованного, поверхностности и глубины, и т.д. Известное положение немецкого философа *Эдмунда Гуссерля (1859–1938)*: «Между сознанием и реальностью поистине зияет пропасть смысла»⁷, – достаточно точно показывает место (топику) философских исследований. Конечно, можно возразить против данного утверждения требованием анализа употребленных в нем слов *сознание и реальность*, и, более того, доказать с точки зрения *эмпирического (опытного)* подхода, что эти слова суть фикции. Однако подобные возражения будут тем, что в логике называется *соскальзываем в бесконечную неопределенность уточнения значения терминов*. Другими словами, в таких случаях говорится одно и то же, то же самое (отсюда понятие *тавтология*), различие же заключается не в разделении утверждений на *истинные/ложные, имеющие смысл / бессмысленные*, а в подходах, которые предполагают свои критерии истины и смысла. Поэтому более жестким требованием к проверке философских предложений является *логический, или структурный*. Например, замена слов *сознание* на *осознание, реальность* на *описание событий (явлений)* приведет к их терминологическому тождеству (идентичности) именно в рамках структурного анализа. Тождество, с логической (аналитической) точки зрения, есть условие истинности как предметов познания, так и предложений о них (прежде всего, их предметов и предикатов, т.е. сказуемых предложений), а также условием сведения философских предложений к проверяемым наблюдениям, или, по крайней мере, условиям возможности такой проверки, наблюдаемости. Иногда, в таком случае, *под философией понимается аналитика (логика)* – познания, сознания, языка и т.д., которая приводит предложения или к утверждениям и отрицаниям, а также их непрямым формам, так называемым *пропозициональным формам* (лат. *proposition* – предложение, высказывание, выражение), например, психологическим установкам, верованиям, убеждениям, допущениям и т.д., или к абсурду.

Подавляющее число современных аргументов, направленных против философии вплоть до утверждения о *смерти философии* или же за ограничение её возможностей, основывается на отрицании связи философии с реальностью, действительностью, бытием, жизнью. Это означает отсутствие у философских высказываний и понятий реального содержания и собственного смысла. Кроме того, подобные аргументы выражают своеобразную направленность в развитии философии: современная философия, в отличие от древней или мистической, не имеет своим непосредственным источником природу, жизнь, космос, действительность или же связана с ними через посредников – науку, религию, искусство, экономику, политику, технику. Такой подход к философии есть следствие все нарастающего *активизма* – явления, в котором исходной точкой рассмотрения мира и людей и оценки к ним служит активность, деятельность человека, мера изменения природы и человека в этом процессе. *Человек – это активист, деятель*. Принцип активизма есть выражение целой эпохи *модерна*, исторического движения к радикальному обновлению мира.

⁶ Карнап, Р. Преодоление метафизики логическим анализом языка / Р. Карнап; пер. А. В. Кезина. // Аналитическая философия: Становление и развитие (антология). – М.: Дом интеллектуальной книги, Прогресс-Традиция, 1998. – 69–89.

⁷ Гуссерль Э. Идеи к чистой феноменологии и феноменологической философии. Кн 1 // Гуссерль Э. Избранные работы. М.: Издательский дом «Территория будущего», 2005. – С. 264. Перевод с нем. А. В. Михайлова.

Принцип активизма предполагает в качестве своего другого (лат. *alter ego*) принцип конкуренции, ведущий, так или иначе, к принципу *превосходства*. Отчасти последнее провоцируется природой самой философии: философия – это дело предельного, превосходящего все другие, обобщения, возвышения ума. В данном месте важно следующее: *иногда под философией понимается форма интеллектуального превосходства*. Это – ложное понимание философии, делающее из неё *прибежище невежества, лентяев* (лат. *asylum ignorantiae*), внешнего подражания величию прошлого философии и примерам современного мышления, получение выгоды от такого подражания, например в виде утверждения «высоты» своего ума и положения за счет умения пользоваться трудами других, которые оцениваются подобными «философами» низко. Немецкий философ *Макс Шелер (1874–1928)*, рассматривая явление конкуренции и связанную с ней мораль, назвал таких людей *подло оценивающими*⁸.

В защиту философии, а именно её самостоятельности, работает понимание того обстоятельства, что при несомненном росте преобразования человеком мира, недопустимо сводить мир и самого человека к познанному, представленному, преобразованному. Вопрос о влиянии самой философии на рост познания и преобразований здесь неуместен, поскольку в этом влиянии философия переходит в другие, несобственные формы, например, говорится о «*превращении метафизики (философии) в физику*», «*философского учения о душе (антропологии) в психологию*» и т.д. Философия – это осмысление мира, однако её источником всегда был переход между необработанным и обработанным, непознанным и познанным в самых разнообразных видах, общее же обозначается термином *трансцендентное* (лат. *transcendere – переступить*). Философия, кроме того, может продолжать питаться силой своих великих традиций, однако этот ещё более обострит вопрос об отношении *философской традиции и современной философии*. Например, немецкий философ *Вильгельм Дильтей (1833–1911)* пришел к выводу: в ходе развития естественных и гуманитарных наук у философии не осталось собственного предмета, кроме самой философии, т.е. *философия есть осознание своей истории, самой себя, или философия философии*.

Вопросы об отношении философии к росту знаний и преобразований, а также об отношении к собственной традиции сливаются в один: *как работают традиционные философские понятия?*

Здесь можно привести следующий аргумент, согласно которому *универсалии* (общие фило-софские понятия) – это иллюзии, и поэтому «первейший принцип философии состоит в том, что универсалии ничего не объясняют, они сами подлежат объяснению»⁹.

Представленная точка зрения является традиционной, но взята из книги современных французских философов (точнее: философа и психоаналитика) *Жюль Делёза (1925–1995) и Феликса Гваттари (1930–1992)*, которые понимают под философией творчество, создание индивидуальных смыслов, единицей которых являются *концепты*. Весьма важно, что Делёз и Гваттари в своем исследовании опираются на классическую философию, прежде всего *школу стоиков*, однако для них следование традиции лишь путь, ведущий к его отрицанию – индивидуальному творчеству. Если философия – это открытие новых смыслов, то освоение традиции есть лишь его необходимое преддверие.

Отрицание необходимой связи с действительностью и традицией означает сведение её к своеобразному философскому *солитизму* (лат. *solus – один и ipse – сам по себе*), признания и доказательства существующим лишь одного мыслящего индивида, и *релятивизму* (лат. *relatio – отношение*) – принципиальной относительности, условности философ-

⁸ См. подробнее: *Шелер, М.* Ресентимент в структуре моралей / М. Шелер; пер. А. Н. Малинкина. – СПб.: Наука, Университетская книга, 1999. – 231 с.

⁹ *Делёз, Ж.* Что такое философия? / Ж. Делёз, Ф. Гваттари; пер. С. Н. Зенкина. – М.: Ин-т экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 1998. – С. 16.

ских утверждений, более всего сравнимой с интеллектуальной словесной забавой, «игрой в бисер». В самом деле, «сбрасывание» груза реальных дел и ответственности перед традицией делает интеллектуала свободным в своих размышлениях и обеспечивает ему удовлетворение жажды гениальности.

Двадцатый век показал, как было с особой силой отмечено в работах Эдмунда Гуссерля, Романо Гвардини (1885–1968), Никиты Николаевича Моисеева (1915—2000) и др., что наука в радикальном влиянии на окружающий мир человека оставляет без ответа вопрос о смысле отношения человека с общим – самой жизнью. Кроме того, эта ситуация является постоянным источником кризиса основ самой науки. Решение этой ситуации заключается в возвращении исконного единства науки и философии, к единству человека и природы, другими словами, в восстановлении *всеобщего как такового*. История философии учит, что отрицание реальности всеобщего (его самостоятельного существования, объяснительной и доказательной силы) означает лишь отрицание одного его вида и утверждение другого. Весь вопрос в том, не означает ли это подмену истинной всеобщности ложной? Истинного слова живым?

Всеобщее – это место приложения ума (разума) для достижения истины. Истина и ум совпадают, это одно и то же, при установлении *того, что есть* (устарелое лат. *est – ina*). Вопрос о том, что *есть*, представляется простым, поскольку всегда предполагает *ясные и очевидные ответы*. Однако очевидность и ясность – это характеристики ума, проделавшего труднейшую, невидимую, скажем так: вековую работу анализа. Очевидность и ясность – это признаки всеобщности ума, который исчерпал в этой работе содержание своего предмета до предела. Если не видеть этой работы, то сделанное умом представляется довольно скучным. Здесь можно привести для примера *даоский текст Чжуанцзы* (ок. 369–286 г. до н.э), в котором приводится рассказ мясника-повара о своем искусстве разделки туш на основе учения *дао* (китайское: *путь*):

«[Я, ваш] слуга, привержен пути более, чем [своему] мастерству! Когда [я, ваш] слуга, стал впервые разделывать быка, то видел лишь тушу, а через три года перестал замечать животное как единое целое. Теперь же я не смотрю [на него], а понимаю [его] разумом, не воспринимаю [его] органами чувств, а действую лишь разумом <...> Хороший повар режет, [а потому] меняет нож раз в год. Посредственный повар рубит, [а потому] меняет нож раз в месяц. Ножу [вашего] слуги ныне девятнадцать лет, [я] разделал им много тысяч бычьих туш, а лезвие у него словно только что заострено на точильном камне»¹⁰.

(Интересно, что подобное сравнение поварского искусства с «эйдетической», аналитической феноменологией приводит Платон в диалоге «Федр»¹¹).

Эта притча – хороший пример *умо-зрения*, философии, имеющей силу в практических делах, более того, дающей преимущество в них. Это странное *сочетание ума и зрения образует философию*. Начало философии образует также другое единство: *ума и слова*. Здесь можно привести такое определение слова. *Слово – это проявление, произнесение ума*. Внимательное отношение древних к слову, столь серьезное, что сопоставимо со сверхъестественным, объясняется представлением о тождестве ума и всего сущего, существования ума в каждой вещи. Понять вещь означало внимать ей. Вещи рассказывали о себе. Другими словами, для древних слово, ум, истина и бытие суть одно и то же. Начало философии связано с пониманием, что не всякое слово говорит о существующем: есть слова (греч. буквально: *миф, рассказ*), в которых смешивается сущее и несущее. Поэтому философия усилила изначальное тождество слова, ума и истины, т.е. выдвинула требование *прозрачности языка*.

¹⁰ Чжуанцзы / Пер. Л. Поздеевой // Дао: гармония мира. – М.: ЗАО Изд-во ЭКСМО-Пресс; Харьков: Фолио, 1999. – С. 166–167.

¹¹ Платон. Федр 265e / пер. А. Н. Егунова // Платон. Собр. соч.: в 4 т. Т. 2. – М.: Мысль, 1993. – С. 176.

Само слово (логика) становились мерой существования. Доказательная сила ума стала тождественной прозрачности слов. Хотя в древней философии имела место страсть к разрешению загадок (например: что самое быстрое?), которая позднее была развита *софистами* в риторике в способность доказывать все что угодно, делать слабое сильным, а сильное слабым (это один из пунктов обвинения, предъявленного *Сократу*), а еще позднее логика все более становится средством математического вычисления (исчисления), *принцип тождества истины и слова сохраняется в современной философии*. Сам по себе спор о словах вызывает неприятие. О словах не спорят, если слова – не мнения, а проявления чего-то чрезмерно большего – жизни или бытия. Словам внимают или нет. Слова сохраняют самое важное для человека. На это указывает известное утверждение немецкого философа *Мартина Хайдеггера (1889–1976)*:

«Язык есть дом бытия. В жилище языка обитает сам человек, мыслители и поэты – хранители этого жилища»¹².

Очевидность и ясность ума, прозрачность языка достигается двумя путями: 1) интуицией, видением, созерцанием; 2) строгим и последовательным анализом. Эти пути ведут к следующим определениям философии.

[9] *Философия – это идеи* (греч. *eidōs* – вид, образ).

По этимологическому определению, философия – это стремление к мудрости. Мудрость различается в двух видах: *высшая*, связанная с устройством мира, наличием в нем высшего существа, порядка (физического, социального, морального и т.д.), цели, смысла и т.д., и *человеческая*, которая отождествляется со здравым смыслом, общим (теоретическим) чувством (например, вкусом, уместностью поведения, гуманностью и т.д.).

Философия стремится соединить оба вида мудрости, т.е. её влечет мудрость вообще. В этом смысле *философия – это область абсолютного* (лат. *ab solve* – *отпущенное, отвязанное, безусловное, освобожденное*). Абсолютное – независимое от всякой физической, реальной зависимости, *это – некий отпущенный от непосредственной, наличной действительности взгляд*. Это сверхреальное в значении *идеального предела, горизонта*, в котором сходятся мудрость мироустройства и мудрость человека. Абсолютное, идеальное – то, что видится, но не физическим зрением, а умозрением, а именно в идеях, путь к которым всегда равен открытию.

[10] *Философия – это строгая наука, аналитика*, проясняющая и объясняющая всеобщую схему видов деятельности и их языки. Анализ – это своего рода разрешение (греч. *analysis* – *разрешение*) мышления и познания от внутренних трудностей, проблем и бремени методологических вопросов и формальных тонкостей, требующих внешнего – здесь: философского, метафизического – вмешательства. Особенностью философии является *отнесение аргументов* не только к предмету обсуждения, но и к самим основаниям размышления (исследования). Такое само-отнесение в логике называется *рефлексией* и служит началом критического ума. Философия, по своей природе, есть способность критического ума подвергать сомнению основания существования (так называемое доказательство *права на существование*), действия (*право на действие*), мышления (*воля к мышлению*), познания (воля к истине). Здесь необходимо различать *догматизм*, принимающего основание или волю без анализа, *скептицизм*, подвергающий разрушающей критике любое основание, и *критицизм*, применяющий сомнение для нахождения положительного основания, очевидного.

Итак, философия – это не красивый ярлык, «*lable*», а весьма трудная работа, положительный результат которой может быть только косвенным, только тогда, когда бывают вос-

¹² *Хайдеггер, М.* Письмо о гуманизме / М. Хайдеггер; пер. В. В. Бибихина // *Время и бытие: ст. и выступ.* – М.: Республика, 1993. – С. – 192.

требуемыми философские идеи, прежде всего в образовании человека в самом широком смысле этого понятия.

Интерес людей обычно привлекает описание жизни, особенностей поведения и мнений философов. Такой вид истории философии называется *доксографией* (греч. *doxa* – мнение и *grapho* – пишу). Однако для настоящего понимания философии важнее анализ её исторического становления, в котором отбрасывается все случайное и сохраняется (в традиции) необходимое. Это относится как к самой истории философии, так к её анализу. Другими словами, история философии – это испытание философских идей и учений временем, которое оставляет самое существенное в философии – *философию как таковую*. По верному замечанию немецкого философа *Георга Вильгельма Фридриха Гегеля (1770–1831)*:

«Мы в истории философии имеем дело с самой философией»¹³.

Время – безжалостный, жесткий судья, и то, что идеи древних и более поздних философов сохраняют свое значение и привлекают интерес до сих пор, служит доказательством их постоянной современности. Если для науки в целом её история представляет собой музей, сохранение того, что было исторической ступенью в познании, и от которой познание отказалось в пользу других, более совершенных форм, то история философии – это лаборатория, рабочее место, в котором осмысливается современность. Рост научного знания и перемены в обществе очевидны, однако в этих изменениях остается нечто постоянное, прежде всего мышление людей, которое следует назвать *изначальным*, и строго отличать его от *рассудка*, суть которого заключается в внесении порядка, правил, однообразности в данное чувствами (*sense data*) и действиями. Здесь можно согласиться с утверждением французского антрополога *Клода Леви-Стросса (р. 1908)*, что люди всегда мыслили одинаково хорошо, и мышление дикаря не отличается по своей логике от мышления современного ученого, и люди с изменением условий жизни не стали мыслить лучше.

Удивление перед самой способностью мыслить и открывшимся ей миром положило начало философии. Поразительным было и другое. Ум, мысль стали мерой существующего. Позднее это было названо философским преувеличением (точнее: *гипостазированием* – от греч. *hypostasis* – *наделение существованием, предположение*), наделением свойством существования форм-содержания мышления. Мысль определяла, что существует, а что нет, и, следовательно, проводила различие между истиной и ложью. Это послужило основой другой важнейшей черты философии, а именно, устанавливать истину посредством доказательства и опровержения. Испытаниями мысли и действительности стали обсуждения, которые обозначали их возможности и границы. История философии – это историческая работа мысли над собой. Поэтому верно утверждение русского философа *Алексея Федоровича Лосева (1893–1988)*, *история философии – это школа мысли*. В этом смысле история философии есть своеобразная *филиация* (от лат. *filius* – сын) *идей*, их наследование, передача. Конечно, философия всегда испытывает внешние для нее влияния со стороны характера общественных отношений, политики, религии, науки, искусства, нравственности, обыденного сознания и т.д. Это обстоятельство особенно хорошо видно на судьбе отечественной философии, причем настолько, что вполне открытым является вопрос, *была и есть ли в России своя собственная философия?* Основным аргументом против утвердительного ответа служит доказательство того, что в России нет философских традиций (филиации идей), более того, традиций свободной мысли, которая всегда была и есть под влиянием власти, церкви или простого невежества, неуважения к уму («горе от ума»). Филиация идей заключается также в том, что *философ тот, кто способен начать с самого начала, а именно мысли*. Не чьей-либо мысли, а мысли самой по себе и следовать за ней. Это хорошо видно на примере

¹³ Гегель, Г. В. Ф. Лекции по истории философии. Кн.1 / Г. В. Ф. Гегель. – СПб.: Наука, 1993. – С. 84.

одного из ключевых понятий современной философии – *переживание*, которое усиливает значение индивидуально-личного события.

Средоточием философии является её вопросы и их разрешения. Вопрос показывает горизонт мыслимого и немислимого, возможного и невозможного, определенного и неопределенного, и т.д. Вопрос – это движение мысли к своему предмету, и создание его в этом движении. В этом смысле философию можно рассматривать в качестве набора вопросов, которые стоят перед ней. Структура данного *Введения* строится исходя из положения о философии как вопрошании.

Немецкий социолог *Макс Вебер (1864–1920)* зимой 1918 года прочитал доклад перед студентами Мюнхенского университета. Германия вступала в эпоху глубочайшего кризиса. Вебер поднимает перед студентами вопрос о призвании ученого. Дело не только в том, что в университетах стали появляться «вожди» от науки. Главное, что оптимизм, вызванный достижениями науки, «техникой овладения жизнью», замечает Вебер, сделал ученых безразличными к вопросам о ценностях и смысле жизни. Он приводит пример Льва Толстого, для которого поиски смысла жизни были мотивом творчества и поступков. Для Вебера молодым ученым необходимо обратить внимание на ложность жесткого противопоставления понятий факта и ценностей, *прагматизма и философии культуры*, и он призывает их к нравственной ответственности перед собой, «*дать себе отчет в конечном смысле собственной деятельности*»¹⁴.

Дело философов работать на грани разума и безумия, осмысленного и бессмысленного, но не только философов. Каждый человек так или иначе приходит к этим вопросам. Какую-то помощь им окажут философы, которые подчинили свою жизнь решению этих вопросов. Для студентов в процессе учебных занятий имеется возможность, которой может и не быть позднее, под руководством преподавателя, в диалоге с ним, понять, или скромнее – подойти, к пониманию философии. Вероятно, данное *Введение* будет способствовать этому.

---

¹⁴ Вебер, М. Наука как призвание и профессия / М. Вебер // Вебер М. Избранные произведения / М. Вебер; общ. ред. Ю. Н. Давыдова. – М.: Прогресс, 1990. – С. 730.

Глава 1. Особенности философии

На вопрос, *что это такое*, например философия, можно ответить различными путями: 1) *простым (прямым) указанием* («это – яблоко», «это – алое», «это – философия» и т.д.); 2) *формально-логическим определением, прежде всего через ближайший род и специфическое отличие* («человек – это животное, которое относится к классу млекопитающих, отряду приматов и семейству гоминид», «философия – это всеобщая наука», где философия подводится под род – «наука» и специфическое отличие – «всеобщая»); 3) *указанием на реальные признаки* («летом тепло, а зимой холодно», например: *философия – это то, чем занимаются философы*; в этом случае философия определяется в качестве рода деятельности.

Путь непосредственного наблюдения философии и выявление её признаков невозможен, как невозможны «зеленые понятия», но допустимо применение метафор, которые работают на понимание и выражение того, что схватывается прежде всего интуицией и доводят до сознания скрытый смысл. *Метафора* (от греч. *meta* – *после* и *phora* – *движение, перенос*) – создает своеобразное движение смысла, например положение *Я мыслю* (лат. *Cogito*) указывает на мыслящую вещь посредством действия, акта мышления. Именно в мышлении, и только в нем существует исходное *Я*.

Преимущество формально-логических определений заключается в их точности и сжатости, позволяющих схватывать самое существенное в одной формуле-предложении, независимое от личных пристрастий или убеждений, общезначимое для всех других возможных подходов, исходное для классификации и систематизации конкретных явлений. Однако наличие исключаяющих понятий философии и способов её существования («философия – это образ жизни», «философия – это наука», «философия – это самосознание», «философия – это не наука, а теория (методология, логика) науки», «философия – это творчество, искусство» и т.д.) ограничивает применение формально-логического метода в определении философии. Кроме того, такие определения есть не что иное как *тавтологии* (греч. *tauto* – *то же самое* и *logos* – *слово*), пересказывающие подлежащее (субъект, предмет) предложения, выраженное иностранным словом, например *физика, биология, химия, философия и т.д.*, другими словами, но более конкретными или знакомыми: физика – это наука о природе, биология – наука о живом, философия – любовь к мудрости, и т.д. Такие определения называются *номинальными* (от лат. *nomen* – *имя*), поскольку разъясняют то, что обозначается именем или названием. История философии и современность показывают, что под *именем философии обозначается все что угодно*. Это служит причиной пренебрежения философией, и каждый желающий считает себя способным выносить суждение, как правило отрицательное, о философии. Выражение *нести ахинею* имеет своим источником осуждение философии, языческой мудрости «от лукавого», закрепленное в одном из псалмов. Слово *ахинея* производно от искаженного произнесения названия города Афины (греч. *Athenai*). Примеры отрицательных подходов к пониманию философии хорошо описал Гегель, а именно: 1) *естественное философствование*, на основе «природного ума», которое Гегель остроумно опровергает: «в настоящее время, по-видимому, господствует предрассудок, что, – хотя из того, что у каждого есть глаза и руки, не следует, что сумеет сшить сапоги, если ему дадут кожу и инструменты, – тем не менее каждый непосредственно умеет философствовать и рассуждать о философии, потому что обладает для этого меркой в виде своего природного разума, как будто он не обладает точно так же меркой для сапога в виде своей ноги»¹⁵;

¹⁵ Гегель Г. В. Ф. Система наук. Ч. 1. Феноменология духа: Собр. соч. Т. IV. / Г. В. Ф. Гегель; пер. Г. Шпета. – М.: Изд-во соц.эконом. лит-ры, 1959. – С. 36–37.

2) философия – это область незнания, и вместе с началом знания, имеет место конец философии; в лучшем случае, философия – это формальное, бессодержательное знание; 3) гениальность, свободное творчество воображения, ставящее себя выше рациональных понятий. В приведенном отрывке из главной работы Гегеля «Феноменология духа» подразумевается понимание философии Иммануилом Кантом (1724–1804), который видел в философии природную склонность, отводил философским понятиям пограничное, упорядочивающее, регулятивное значение в познании, и считал философию познанием в понятиях, которые образуются посредством *синтетической способности воображения*.

Задача *Предисловия* заключалась в том, чтобы показать трудности, с неизбежностью возникающие при ответе на вопрос, *что такое философия*, и дать некую систему взаимосвязанных определений философии, которая является открытой и гибкой, поскольку вполне возможны её дополнения, уточнения или же построение систем других определений. Например, в современной философии распространенным является понимание философии как *логики науки*. Построение определений философии, и, следовательно, самой философии, будет исходить в этом случае от понятий логики, языка, науки, сознания и т.д. Это означает, что допустимы различные философии (логики) науки.

Другой путь состоит в построении системы всех возможных определений философии. Такая система будет интересна своим богатством, которое образуют высказывания философов о философии. Определение Платона:

«Философия – это стремление к чистому познанию, которое возможно при освобождении души от тела, т.е. смерти», которое иногда истолковывают в виде утверждения: «философия – это искусство умирания», слова Ф. М. Достоевского, что «философия – это высший градус поэзии», предсмертное признание великого авантюриста Джакомо Казанова: «Я жил философом», и многие другие составят *сумму философии*, в которой будет вероятно трудно найти связующее звено, а именно саму философию. Это не будет системой философии, поскольку невозможно в таком случае найти основание такой системы.

Хорошим примером для системного понимания философии служит работа «Что такое философия?» немецкого философа Вильгельма Виндельбанда (1848–1915), в которой показано, что системообразующим признаком философии, позволяющим охватить все возможные подходы к философии, является наука. Смысл и понятия философии, по Виндельбанду, образуют отношения между наукой и философией. В истории философии имеют место *период служения*, когда философия подчиняется жизни, мировоззрению, религии, науке, искусству. Для нахождения собственного предмета и метода философии, т.е. самостоятельности, по Виндельбанду, необходимо рассмотреть отношение философии и науки с точки зрения ценностей, или *культуры*. Основанием системы философии являются *общезначимые ценности*. Это объясняет, почему философия обращается и к вненаучному материалу (жизни, искусства, мифологии и т.д.). Философия исследует ценности научных достижений, религиозных догматов точки зрения истины, и является наукой о нормативном сознании, поэтому «*история названия «философия» есть история культурного значения науки*»¹⁶. Главное, это вывод, который делает Виндельбанд:

«Философия как наука о нормативном сознании есть идеальное понятие, которое не реализовано»¹⁷.

Можно принимать или нет собственную (неокантианскую) позицию Виндельбанда, однако она открывает подход к *понятию философии как идеала*, который заключает в себе

¹⁶ Виндельбанд, В. Что такое философия? (О понятии и истории философии) // Избранное: Дух и история / В. Виндельбанд; пер. М. И. Левиной. – М.: Юрист, 1995. – С. 34.

¹⁷ Там же. С. 53.

постоянную необходимость философии, а именно: стремление к философии, которое никогда не может быть завершено.

Переход к пониманию философии как науки об (общезначимых) ценностях означает переход к определению философии *через реальные признаки (реальные определения)*. Это путь к пониманию философии через её отношения к реальным явлениям, например, искусству, религии, политике, здравому смыслу, праву и т.д. В данном *Введении* предлагается весьма кратко рассмотреть существенные черты отношения философии к *мировоззрению, науке и собственному делению, т.е. делению философии*, отражающему реальное положение философии.

1.1. Понятие и виды мировоззрения

Для анализа понятия *мировоззрения* необходимо рассмотреть само слово-термин «мировоззрение». Следует заметить, что в свою очередь слово «термин», образованное от латинского *terminus* – «предел», «конец», предполагает обозначение границы явления или понятия. Это обозначение является указанием смысла, в прямом значении операции *о-пределения*. Где такое обозначение не производится, явление или понятие остается неопределенным, лишенным значения или смысла. Более того, можно провести обозначения понятий «определенность», «значение» и «смысл», и тогда станут видны различия между ними: это будут различные понятия. Такая, казалось бы, банальная, больше похожая на игру, работа со словами имеет важнейшие последствия для понимания их реального смысла. Например, разбивка широко употребляемого в повседневной жизни слова «*спаси-бо*» открывает его древний, первоначальный смысл, а именно: *спаси Бог*, и подсказывает, что буква *г* исчезла при написании полууставом (точнее, писалась над буквой *о*). Современный американский философ *Генри Нельсон Гудмен (1906–1998)* образовал слово «*зелубой*» для обозначения возможности перехода *зеленого в голубое, и наоборот*. Сейчас мы утверждаем «*это – зеленое*», однако мы не уверены в том, что «это» во время восприятия не окажется голубым.

Слово «мировоззрение» является составным, образованным из двух слов: *мир и воззрение*. Кроме того, «мировоззрение» имеет целый ряд слов, близких ему по смыслу, это – «мироощущение», «мировосприятие», «миросозерцание», «миропонимание». Смысловые различия между ними зависят от отправных точек отношения к миру, т.е. от простого ощущения (легкости, тяжести и т.д.), эмоций, настроений (радости или грусти) до понимания, отстраняющегося от эмоциональной окрашенности и, главное, поверхностного и случайного («Сотри случайные черты – и ты увидишь: мир прекрасен»).

Выбор слова «мировоззрение» из указанного ряда оправдывается («хорошо обоснован», как говорят философы) тем, что мировоззрение является общим для родственных ему явлений, между которыми имеется *семейное родство* (одно из основных понятий в учении о языке австрийского философа *Людвига Витгенштейна (1889–1951)*), где не существенно различие между событиями и словами.

В качестве исходного можно принять следующее определение: *мировоззрение – это совокупность, система взглядов, представлений человека на мир*.

Под понятием «мир» имеется в виду *все существующее в определенном порядке*. Понятие «мир» хорошо раскрывается на примере представлений древних греков о мире. По-гречески, *мир – это космос*, возникающий из хаоса посредством *времени-Кроноса*. Человек есть образ и подобие мира, малый мир, *микрокосмос*.

Понятие *мира* хорошо объясняется через его происхождение от действия, а именно: *украшать, приводить в порядок*. Греческий *космос* образован от глагола «*космео*» – *украшать* (отсюда – косметика), латинская *природа, натура* – от «*орнаре*» (отсюда «орнамент»), где корень «-на» очевиден, а русская «природа», можно предположить, от слова «порожда-

ющий порядок». Для древних греков *мир* – это *красота*, и этим мировоззрением можно объяснить расцвет искусства в Древней Греции. Это было своего рода детским очарованием устройством мира, *мировым строем*, в котором все было одушевлено, и порядок жизни определялся *прекрасной душой мира и человека*, что нашло отражение в принципе *калокагатии* (от греч. *kalos* – прекрасное и *agathos* – доброе), или принципом *единства истины, добра и красоты*. Позднее этот принцип стал основополагающим для русской философии и глубинных устремлений отечественного мировоззрения. Следует заметить, что в православном богословии есть раздел под названием «Иринология», название которого образовано от греческого слова *иринос*, что означает «мир». Здесь *иринология* – это учение о мире, об отношении божественного и мирского.

Мир как порядок имеет значение *согласия: с собой, природой, другими людьми*, которому противопоставляется вражда, война. Здесь уместно вспомнить название романа Льва Толстого «Война и мир».

Позднее усиливается внимание к временному порядку мира, в котором, под влиянием иудеохристианства и немецкого романтизма, *мир становится историей*.

Представления, взгляды человека на мир непосредственно проявляются в поступках и оценках людей, т.е. в общем, *в отношениях к миру*. Отношения людей к миру условно можно разделить на три типа (здесь «тип» означает общую, чистую форму):

1) **оптимизм** (от лат. *optimus* – *наилучший*), который хорошо выражается формулой: *мир устроен разумно, в нем есть смысл, место и предназначение для каждого человека, его счастья (доли), справедливости*. Здесь человек открыт миру, принимает его таким, какой он есть, а мир открывает человеку возможности для достижения его целей и такое измерение жизни, как будущее. Такое отношение к миру и людям основано на доверии и ожиданиях. Немецкий философ *Готфрид Лейбниц (1646–1716)* показал, что «*этот мир есть наилучший из всех возможных миров*».

2) **пессимизм** (от лат. *pessimus* – *наихудший*) можно выразить формулой: *мир устроен неразумно, в нем преобладают слепые, неумолимые силы, бессмыслица, несправедливость, страдания, нет места для человека и его счастья*. Такой мир не принимает человека, и человек не принимает такой мир, закрыт для него. Такое неприятие мира образует недоверие к миру и другим людям. Немецкий философ *Артур Шопенгауэр (1788–1860)* утверждал, что «*этот мир есть наихудший из всех возможных миров*». Еще раньше *Вольтер (1694–1778)* в повести «Кандид, или Оптимизм» высмеял позицию Лейбница.

Пессимизм проявляется в различных формах *пассивного* (от лат. *passus sum* – *терпеть, страдать, переносить, позволять*), *бездеятельного настроения или состояния* отчаяния, покорности воле случая или течения событий, бессилия, сознания собственной ничтожности и т.д. и *эскапизма* (от лат. *escape* – *бежать*), *бегства от мира* при помощи пьянства, наркотиков, религии и даже, казалось бы, положительных, утверждающих жизнь форм: науку, работу, искусство, дом, семью, которые полностью поглощают человека, и в которых он создает свой собственный, *его мир*, противопоставляемый внешнему для него, чуждому миру. Причинами пессимизма могут быть природный темперамент индивида, неудачи, болезни, усталость, которая поражает как раз тех, кто весьма активен, характер отношений между людьми, условия жизни, особенно при смене мировоззрений, эпох, когда происходит разрушение прежних, привычных норм жизни, осознание преобладания лжи и обмана, и т.д. Вопрос в том, насколько эти причины способны перерасти в устойчивое убеждение, или мировоззрение.

В философии вопрос об отношении оптимизма и пессимизма достаточно не прост для его разрешения. Открытость миру может означать принятие за основу отношения к жизни представления о боли, страдании, мучений в качестве первоосновы жизни. Герой – это человек, способный выносить разрывающие его противоречия и безумие от таких испытаний.

Оптимизм, в свою очередь, это не наивная и игривая веселость, а способность принимать жизнь такой, какая она есть, без всякого рода иллюзий.

3) **безразличие к миру**, его оценке, плох мир или хорош. Здесь *смыслом существования мира, его смысловым центром становится человек-индивид*. «Индивид» (от лат. *individuus* – *неделимый*), имеющий соответствие в *атоме* (от греч. *a* – *отрицание*, «не» и *tomos* – *делить, делимое*), здесь обозначает человека, неделимого на внешний мир. Человек больше, чем весь мир, он не сводится к окружающему его порядку. В этом подходе главным становится достоинство, предназначение, смысл жизни, счастье каждого человека. Такое отношение к миру выражается в состоянии *апатии* (от греч. *a* – *отрицание* и *pathos* – *страсть*), как бы умирания для мира, нечувственном к нему «отношении», бесстрастности, воздержании от того, что связывает с миром, и что в повседневной жизни вызывает удовольствие и страдание. Например, *стоики* учили: «Пусть над твоей головой рухнет весь мир, ты должен быть самим собой».

Главным средством противопоставления себя миру и усмирения своих страстей древние философы считали разум, поэтому *спокойное отношение к происходящему при сохранении собственного достоинства (самодовления)* иногда называют философским.

Общим у этих основных типов мировоззрения является то, что в отношении к миру человек *от-носит* себя к нему, соотносится с ним, несет мир в своих поступках, оценках, представлениях, другими словами, есть носитель мира. *Мир – это всегда мир человека*. Важно заметить, что термин *мир* может быть заменен *жизнью*, и тогда мировоззрение имеет вид повседневного *отношения к жизни*, например, *жизнеутверждающей или жизнеотрицающей* установки людей, *благоговения перед жизнью* или *презрения к ней*. Эти два типа мировоззрения немецко-американский психолог *Эрих Фромм (1900–1980)* обозначил терминами *биофилия (стремление к созиданию)* и *некрофилия (стремление к разрушению)*. Кроме того, мировоззрение может иметь вид *отношения к судьбе* уже в самом вопросе, *существует судьба или нет*. Представления о мире и судьбе весьма близки, поскольку под *миром и судьбой* всегда понимается *некое устройство, порядок жизни*. В вопросе о судьбе усиливается значение того, от чего зависит уклад личной, собственной жизни, ответ на итоговый вопрос, *сложилась жизнь или нет*. Человек может утверждать, что он сам построил свою жизнь и является её хозяином, или же отрицать это, ссылаясь на внешние обстоятельства, общим именем которых и будет судьба. Вопрос о судьбе особенно остро показывает, что в основе мировоззрения находится сложнейшая философская, а также политическая, религиозная, гуманитарная, проблема *свободы воли, отношения свободы и воли*.

Здесь требует пояснения положение: *мир – это всегда мир человека*.

В основе любого поведения человека и мировоззрения вообще лежит вопрос *о знании того, что от людей не зависит и того, что зависит, и способности провести различие между ними*. Отсюда возникают противоположные виды мировоззрения: космологическое и антропологическое, геоцентрическое и гелиоцентрическое, теоцентрическое и антропоцентрическое, и т.д. Существование независимого от человека мира очевидно. Независимого, значит безразличного к человеку. Такое безразличие усиливается безразличием человека к миру и другим людям. Важно, что оба вида безразличия являются именно мировоззрением, поскольку образуют *ряды зависимостей и точек отсчета жизни человека*. То, что от него не зависит, устанавливает сам человек, и такое установление есть отношение человека к миру. Человек может бежать в безразличный, независимый от человеческого, мир в спасении от человеческой лжи, зла, порочности, корысти, посредством деятельности, требующей от него полной отрешенности.

В этой связи против понятия мировоззрения выдвигается аргумент, согласно которому «мировоззрение» есть выражение общего смысла, *тотальности* (от лат. *totus* – *весь, целый*),

вид подавления свободы индивида, прежде всего свободы мышления. Здесь мировоззрение – это те рамки, которые заранее ограничивают мышление человека.

Этот аргумент вполне обоснован и заслуживает внимания. История XX столетия особенно остро показала, что оптимистическое («жизнеутверждающее», «гуманистическое») мировоззрение может сопровождаться отрицанием, подавлением индивидуального человеческого начала, массовым истреблением людей ради общей, насильно навязываемой им общей, абстрактной идеи, звучащей вполне благородно. Довольно часто мировоззрение приобретает жесткую форму идеологии, претендующей на общее, общественное сознание. История другого, религиозного мировоззрения, является весьма поучительной с точки зрения свободы воли и её подавления, общего и индивидуального, особенно если учесть, что довольно часто мировоззрения имеют черты, сходные с религиозным сознанием, т.е. в них появляются представления о «священном» – неприкасаемом, высшем и т.д. История России XX столетия показала удивительные примеры сложнейших поисков мировоззренческих основ жизни многих поколений людей: поисков святости и богоборчества, романтизма и жесткого прагматизма, морального подвижничества и изоциренного нигилизма.

Понимание явления и понятия мировоззрения предполагает переход от основных типов к его реальному многообразию. Следует заметить, что анализ многообразия видов мировоззрения невозможен без некоей условности, поскольку в так называемом «чистом виде», выделение которого невозможно без анализа, мировоззрения существуют только в сознании исследователя или же становятся преобладающими в некоторых ситуациях.

Всякое обозрение мировоззрений всегда будет оставаться открытым, поскольку к существующему списку постоянно прибавляются новые. Например, современный публицист *И. И. Гарин* ввёл слово *йехуизм* (от «йеху» кличка американских погонщиков скота, а также, по-видимому, от названия особенной породы животных *еху*, карикатуры на людей из романа *Джоната Свифта* «Путешествия Лемюэля Гулливера, «гнусных животных», пользующих свой разум с целью развития пороков и приобретения новых) для обозначения мировоззрения, характерного для России XX века.

Поэтому можно ограничиться по принципу наибольшей распространенности следующими видами мировоззрения.

1. Прагматизм (от греч. *pragma* – *дело, действие*) означает приоритет практического, деятельного отношения к миру; это – «деловое отношение к жизни», где мериллом для человека служат его поступки и работа. Прагматизм можно разделить на два вида: а) прагматизм поступков человека, которые оцениваются их логикой (истина), нравственностью (этическими понятиями добра, зла, справедливости) и их эстетикой (прекрасное, безобразное и т.д.); б) прагматизм производственной деятельности, с её направленностью на пользу, прибыль, расчет и т.д. Родственным прагматизму является *принцип утилитаризма* (от лат. *utilitas* – *польза, выгода*), согласно которому индивидуальная или общественная польза служит основанием поступков людей. В современной России на место прежнего господства *идеологии*, подчинения жизни человека *идее радикального преобразования общества*, приходит прагматизм, жесткого подчинения законам экономики. Идеалом жизни все более становится «*успешная личность*», *личные достижения*.

2. Эгоизм (от лат. *ego* – *я*), такое отношение к миру, при котором все происходящее сводится к индивидуальному Я, самочувствованию или самосознанию. Здесь индивид есть ось, вокруг которого вращается весь мир. Эгоизм может иметь как положительное, так и отрицательное значение. В самом деле, в современной России вопрос о *достоинстве личности* является ключевым, однако поиски личного, а не общего, коллективного счастья оборачивается погружением в пошлость гонки за удовольствиями. В то же время без заботы о себе – своем теле, чувствах и уме – человек теряет свое лицо и превращается в безликое, массовидное существо, не достойное уважения, в материал для очередных манипуляций.

3. Альтруизм (от лат. *alter* – *другой*) – это мировоззрение на основе принципа *жизни ради Другого*; это своеобразное *служение* людям, истине, долгу или самой жизни; примерами здесь могут быть чувства материнства и отцовства, которые, кстати, отсутствует у животных. Пример: гуманитарные профессии (врача, учителя, спасателя и т.д.), «Орден милосердия», созданный матерью Терезой, различные формы бескорыстной благотворительности и т.д. Альтруизм – это способность принять близко к сердцу (*милосердие*) боль и страдания другого человека, жизнь на основе заботы о людях. Конечно, *альтруизм как служение Другому* имеет весьма различные значения, в зависимости от того, что понимается под «Другим». В повести Л. Н. Толстого «Отец Сергей» хорошо показан самый сложный путь перехода от служения земной власти к служению Богу, от него служению человеческим слабостям (болезням), закончившийся трагедией (нравственным падением), и переход снова к еще более ревностному служению Богу.

4. Нигилизм (от лат. *nihil* – *ничто*) – отношение к жизни, основанное на отрицании, прежде всего *принятых норм* жизни: моральных требований, законов, традиционных устоев (например, религиозных убеждений, церкви), эстетических критериев. Это – неприятие существующего положения вещей (*status quo*), бунт против внесения в жизнь каких-либо запретов или ограничений, утверждение своеволия. Нигилизм может иметь форму *позитивизма* (от лат. *positivus* – *положительный*), мировоззрения, отрицающий все другие отношения к жизни, кроме естественнонаучного. Такой тип нигилиста показан И. С. Тургеневым в романе «Отцы и дети» на примере Базарова. Нигилизм может иметь возвышенные виды. Примером здесь может служить *романтизм, отрицающий действительность с точки зрения недостижимого идеала*.

5. Цинизм (от греч. *kinos* – собака) – разновидность нигилизма, явление, выраженное одной из философских школ в Афинах, которая располагалась на холме и гимнасии Киносарг (другое основание для названия школы), где преподавал её основатель Антисфен. Древние киники (циники) учили жить по *естеству*, так же естественно, как собаки. Киник *Диоген Синопский* (ок. 404–365 гг. до н.э.), прозванный *Диогеном Собакой*, жил в огромной бочке (пифосе), сравнивая её с конурой собаки. Принципами жизни киников служили индивидуализм, равенство, космополитизм (от греч. *космос* – мир и *полис* – город-государство), или принцип *человек-гражданин мира*, отрицающий привязанность людей к «родным очагам», семье, а также *опрошение*. *Жить просто, значит отбрасывать все лишнее, чего нет у живого*: стыд, имущество, моральные, эстетические, правовые нормы. В современном понимании под *цинизмом* понимается именно бесстыдство, пренебрежение достоинством других, вседозволенность, утверждение безобразного, вызывающее поведение, эпатаж и т.д.

6. Гедонизм (от греч. *hedone* – *чувственное удовольствие, наслаждение*) – отношение к жизни, основанное на получении чувственных удовольствий, от простейшего до утонченного, полученного при помощи искусства, от искусства вообще до особенного искусства получения наслаждений, изысканных удовольствий. В принципе, *все люди – гедонисты*, вопрос лишь в том, к чему люди стремятся в получении удовольствий, каким образом их получают и мере наслаждений, т.е. последствиях для себя и других людей. В современной России в ходе реформ произошел резкий переход от *трудоуэтики*, основанной на дисциплине и контроле, к *гедонизму*.

Решение вопроса о средствах получения удовольствия как основы жизни ведет к следующим двум мировоззрениям.

7. Садизм (от имени маркиза *де Сада* (1740–1814), со скандальным откровением описавшим это всегда существовавшее явление) – отношение к жизни, основанное на получении удовольствия от унижения в самых разных видах другого человека, от грубого физического до изысканного. Садизм – это преднамеренное устранение последней черты, нормы в поведении человека, а именно, его природы. Унижение другого, здесь нет ничего от борьбы

с «ложью» гуманизма, есть унижение самой природы человека, врожденных, естественных чувств, на которых строится его жизнь: стыд, совесть, личное достоинство, привязанности (любовь, дружба и т.д.). Освобождение злой, противоестественной составляющей существа человека может заключаться в стремлении показать все стороны жизни человека, в бунте против лицемерия морали, основывающейся на понятии человека как «доброе существа», где «зло» – это лишь признак недостаточного проявления «добра», и принцип «чем больше добра, тем меньше зла» является определяющим. Однако, в любом случае, садизм – это отрицательное явление, в котором физическое насилие над человеком тесно переплетается с моральным его уничтожением: моральное унижение равноценно его физическому уничтожению. Ложь, возведенная на талантливого человека, ведет к его физическому подавлению и, самое страшное, самоподавлению.

8. Мазохизм (от имени врача *Леопольда Захер-Мазоха (1836–1895)*, описавшего явление женской жестокости как следствия слабости и унижения) – отношение к жизни, основанное на получении удовольствий от собственного унижения, потери собственного достоинства. Мазохизм – это и истязание себя в стремлении к нечему, недостижимому по своей природе. Как и в садизме, в мазохизме, физическое унижение не отделимо от морального, «душевного». Гегель, анализируя явление «несчастливого сознания», вырастающего из отношения раба и господина, хорошо показал, что такое сознание определяется условиями подчинения и униженного, и унижающего. Господин в рабе, слуге унижает себя, и поэтому так же несчастен. Мазохизм – явление универсальное, но в России, в силу присущей ей всегда жесткой центральной, равнодушной к «маленькому человеку», власти вопрос о достоинстве каждого человека, при навязывании ярлыка «дурака» всему русскому народу, это, без сомнения, и мировоззрение как самосознание миллионов людей, и оценка исторического прошлого и будущего. Человек, не уважающий себя, не уважает и другого. Страсть русского человека мучить того, кого он любит, т.е. своеобразное самоубийство, прекрасно описал Ф. М. Достоевский.

Перечисление и анализ видов мировоззрения может быть продолжен, например: *консерватизм, либерализм, индивидуализм, коллективизм, мистицизм; фатализм (от лат. fatum – рок, фатум) – мировоззрение, основанное на представлении о судьбе, которая предопределяет все происходящее в мире; эволюционизм, основанный на идее развития, и т.д.* Исследователи развитых обществ современного мира (к примеру, *Жиль Липовецки, род. 1944 г.*), отмечают переход от традиционного влечения обольстить к самообольщению. Дон Жуан (обольщение, соблазн — sedaction) умер, на его место пришел Нарцисс (самолюбование, нарциссизм) – новое мировоззрение, порожденное углублением индивидуализма и усилением *феминизма*, что и приводит к появлению как бы двуполового индивида, с преобладанием женского начала, когда история Нарцисса, согласно её толкованию Оскаром Уайльдом, удваивается в материале, носителе отражения, образа – ручье. Все замыкается: юноша, ручей и цветок, выросший на берегу ручья (см. об этом пролог романа Пауло Коэльо «Алхимик»). Другим примером может быть *мелиоризм* (от лат. *melior – лучше*) – мировоззрение, основанное на идее улучшения условий жизни людей («*Все к лучшему*»), а также их природы – физических и интеллектуальных способностей. Для последнего было создано учение *евгеники* (*eu – благой* и *genus – род, народ, потомство*).

Главная черта мировоззрения – это *убеждение*, уверенность в истинности или правоте представлений, принятых людьми за основу своей жизни. Отсюда *твердость* убеждений. Это хорошо показывают слова апостола *Павла: «На том стою, и не могу иначе».*

Вопрос о формировании мировоззрения крайне сложен. Например, *Фридрих Ницше (1844–1900)*, был родом из пасторской семьи, однако посвятил свои работы беспощадной критике христианства и христианской морали, которая сосредоточена в его утверждении

«Бог умер!»); *Петр Бернгардович Струве (1870–1944)*, по национальности немец, был идеологом русского патриотизма.

Принятие человеком убеждений происходит сознательно и неосознанно, под влиянием авторитетов, т.е. тех людей, которым доверяют или просто подражают, а также жизненных обстоятельств, но никогда – насильно, под давлением. Важнейшим фактором (от лат. *facio* – действовать, создавать) мировоззрения является *образ жизни* например, городской или сельский, трудовой (созидательный) или иждивенческий, пассивный, потребительский, свободный или порабощенный.

В зависимости от того, что служит основой, основанием мировоззрения выделяются различные его виды, например:

1) *научное*, которое еще иногда называется *научной картиной мира*, является господствующим в современном мире, поскольку считается если не единственным, то основным источником истины и прогресса; научные истины воплощаются в технике, основе современной жизни;

2) *обыденное, повседневное*, зависит от непосредственной, «живой жизни», образа жизни; такое мировоззрение может характеризоваться крайней ограниченностью и поэтому вызывать протест из-за чрезмерной узости его горизонта, например, жизнью, довольствующейся одними лишь физиологическими потребностями и элементарными ощущениями, однако одновременно может считаться целью научного и иных видов мировоззрения, поскольку требует внесения смысла в непосредственную жизнь, насыщения им существования людей, тогда такое мировоззрение является основой всех других и образует то, что *Гуссерль* назвал *жизненным миром*, а историки движения постмодерна *малой историей*;

3) *религиозное (включая мифологическое)* – мировоззрение, основанное на вере в сверхъестественные силы, идее священного (неприкасаемого), таинственного, имеющее свою обрядовость (культ), организацию и т.д.;

4) *художественно-образное*, создающее картину мира посредством воображения, чувственных образов, метафор, например, *образа мировой струны или мировой капли*, ставших научными метафорами (объясняющими образами);

5) *политическое (идеологическое)* мировоззрение, связанное с а) задачами общественного устройства в целом, б) осуществлением власти в её различных формах;

б) *философское*, которое кратко будет рассмотрено далее.

Выделение видов мировоззрения вовсе не означает их внешнего рядоположения, без взаимного влияния. Поэтому выделение видов мировоззрения может иметь значение его строения, или структуры. Важно заметить, что построение мировоззрения – это дело не мышления, а самой жизни. Другими словами, система или структура мировоззрения создается на основе жизненного опыта людей. На это обстоятельство обратил внимание *Вильгельм Дильтей*¹⁸. *Строение мировоззрения*, в описании Дильтея, представляется весьма интересным и современным. *Основой мировоззрения*, по Дильтею, служит *картина мира*, образуемая научным познанием. Научное познание потому есть основа всей исторической жизни людей, что в наибольшей степени влияет на изменение условий жизни людей. Картины мира – это представления о мире в целом, созданные посредством языка той человеческой деятельности, которая как бы творит мир в виде обобщенных образов, понятий, принципов, законов. Существуют научные, художественные, этнические и т.д. картины (системы) мира, которые изменяются под влиянием нового языка и времени картины мира. В отличие от мировоззрения, картины мира стремятся к объективно-наглядному языку, без живого присутствия в них человека.

¹⁸ *Дильтей, В.* Типы мировоззрения и обнаружение их в метафизических системах / В. Дильтей; пер. Г. А. Котляра, С. И. Гессена // Культурология. XX век: Антология. – М.: Юрист, 1995. – С. 225.

За научным познанием, или картиной мира, по Дильтею, следует *понимание, или вопросы о значении и смысле жизни*. Понимание возможно посредством *чувствований или настроений*, которые есть не что иное, как отношение к жизни. Если наука изучает факты, то религия, поэзия и философия понимают, как отмечает Дильтей, целое – опыт жизни, или переживания. Настроения служат основой желаний, и действий, одним словом – *воли*, которая есть стремление к идеалу, или высшему благу.

Для построения системы мировоззрения Дильтей использует традиционное деление человеческих способностей на разум (познание), чувство (созерцание) и волю (стремление). Эти способности служат для выделения трех основных составляющих мировоззрения и дальнейшего его деления, например, в рамках поэтического мировоззрения. Именно в анализе отдельных мировоззрений подход Дильтея может быть исправлен, однако в целом он остается непревзойденным.

1.2. Философия и мировоззрение

И философия, и мировоззрение имеют обобщающий характер. По содержанию, слово *мир*, состоящее всего из трех букв, *заключает в себе все существующее, миропорядок*. Далее, слово *человек* обозначает общее, характерное для всех индивидов, относимых к человеческому роду. Каждый может гордо сказать: «Я – человек», но обратное утверждение: «Человек – это я», – будет чрезмерным. Мировоззрение – это отношение человека к миру (жизни), другим людям и самому себе. Однако само по себе *отношение человека* к чему-либо возможно только при помощи мысли, поскольку именно мысль создает путем собирания, обобщения стороны, носители отношения (то, *что* относится), прежде всего, в противоположении, представлении. Отношение человека к миру бесконечно, открыто, поскольку сознание человека постоянно собирает мир в себе и перед собой (как бы на рабочем столе) и разделяет его на *материальный и идеальный, реальный и воображаемый, форму и содержание, цели и средства, и т.д.* Философия есть орудие, средство, способное охватить в своих понятиях мир в целом и человека вообще, и, следовательно, есть форма отношения человека к миру при помощи мысли.

Очевидно, что существуют другие виды отношения людей к «миру». Однако в них «мир» замещается и представляется конкретными вещами, предметами, событиями, явлениями, например: звуками, реальными образами, формами вещей, которые иногда называют *геитальтами* дерева, цветка, человека-индивида, истории и т.д., запахами, воздействиями, силами, впечатлениями. Такие представители «мира» могут быть созданы человеком (артефакты) или иметь внечеловеческую, сугубо естественную природу (факты). Своеобразие философии заключается именно в отношении человека к самому миру, где это *самое* возможно только при помощи мысли. Изучение живого во всем его удивительном многообразии еще не дает ответа на вопрос, *что такое жизнь?* Точно также изучение людей и их культуры имеет достаточно продвинутый характер, однако вопрос, *что такое человек*, оказывается всякий раз неким недостижимым пределом познания. Получается, что бесконечно сложные философские понятия (мир, бытие, жизнь, человек, время, пространство, сознание, дух, истина и др.) являются всего лишь словесными оборотами, лишенными реального обозначения, т.е. они ничего не обозначают, ни к чему не относимы. Из понимания такой ситуации вытекает по крайней мере два следствия: 1) утверждение о бесполезности философии; 2) необходимости новой философии, с иным составом понятий и языком.

Мировоззрение – это реальное определение (род) философии. Философские понятия и построения испытываются в соотнесении к *жизненному миру, миру которым непосредственно живут люди*. Именно здесь весьма отчетливо проявляется различие и сходство философии и мировоззрения. Жизненный мир – это совокупность представлений, сил, ожи-

даний, ориентиров, установок, переживаний, имеющих чувственное (эмоциональное) выражение. Чарльз Дарвин и Хельмут Плеснер выделяли *смех и плач* в качестве выражения человеческого начала. *Альфред Адлер (1870–1937)* выделил два основные человеческие чувства – *превосходства и неполноценности*, образующих два основных, существенных измерения жизни людей. В русском мировоззрении преобладают *интуитивность и нецентрированность*, которая проявляется в своеобразном странничестве, постоянных поисках своих начал, открытости миру, где-то наивной, детской восприимчивости, безудержной страстности, доходящей до мучительства. В России традиционно более всего живут образами, чем понятиями; больше подчиняются художественной силе, чем рациональному порядку.

Если мир – это совокупность «вещей» (заметим: слово *вещь* имеет латинское соответствие *res*, от которого происходит термин *реальность*), которыми живут люди, то такой мир существенно отличается от философского, в котором жить невозможно. Здесь имеет место то, что называется *философским удвоением мира*: философия показывает, что за миром повседневной жизни находится другой, превосходящий первый. Это – непреходящий мир сущностей, смысла, истины, в отличие от преходящего, изменчивого мира явлений. Аналогичное удвоение мира происходит и в обычной жизни, когда люди обращают внимание на сны, силы, влияющие на обстоятельства или ход событий, будущее. Удвоение мира предполагает и научное познание, невозможное без специальных инструментов и теоретических представлений. Предельным удвоением жизненного мира можно назвать религиозное, в котором повседневная жизнь подчиняется *священному, неприкасаемому, сверхъестественному миру*. Философское удвоение также указывает на *Иное*, но делает это *посредством мысли*. Здесь можно дать *техническое (рабочее) определение мысли*: *мысль – это средство отчетливого проведения различий* между общими явлениями, т.е. такими, которые остаются недостижимыми другими, прежде всего физическими или мистическими средствами. Если все иные средства имеют чувственный характер (уточним: от простейших чувств до общих, от наблюдения до моделирования, от умиления до отрешения), то философия предполагает исключительно рациональные средства. Философ-эмпирик, как и философ-прагматик (*прагматист*, сказал бы основоположник *прагматизма* американский логик *Чарльз Сандерс Пирс (1839–1914)*), приходят к *идее опыта или убеждения*, основам научного познания и мировоззрения вообще, *посредством различений, проведенных мыслью*. Такие различения и есть мысль.

Удвоение мира служит источником того, что иногда называют *утешением*, дающим человеку спасение, освобождение, надежду в существование *другого*, чистого, возвышенного мира. Такая надежда позволяет превозмочь, превзойти страдания и горечи наличного существования. Утешение, в свою очередь, предполагает *различные виды веры*, в общем виде – религиозную и нерелигиозную. Что касается *философских убеждений*, то их сила основывается на *доказательной силе* философской мысли – от гениальной интуиции (интеллектуального созерцания), дающей предельные формы очевидности, до системы понятий, со строго выверенными значениями терминов.

Можно утверждать, что явление, которое обозначается в качестве *удвоения мира*, имеет универсальный и фундаментальный характер. По своей природе люди стремятся к чему-то лучшему, совершенному, новому, т.е. тому, что продолжает их жизнь и существование в иных формах: сновидениях, мечтах, воображении, художественных образах, представлении о подлинном. В повседневном опыте это проявляется в создании неких мифических картин, рассказов о событиях, героем или свидетелем которых был обыватель. Философия стремится охватить все возможные опыты жизни человека, и философский опыт заключается в критическом анализе опыта жизни вообще. Например, «настоящему» обыденной жизни противопоставляется «подлинное» бытие, чистоте священного в религиозном опыте – чистота мысли, «честности» научного исследования – философская истина, интуиция.

*Философия учит ничего не принимать на веру, а подвергать испытаниям сомнениями, анализом (здесь: делением, разрешением на простые составляющие, насколько это возможно), опровержениям и доказательству. Другими словами, философия строит мир заново в виде миро-здания, в котором, как и во всякой постройке есть основание, несущие конструкции, перегородки, переходы и т.д. Это относится и к мировоззрению: основу любого мировоззрения образуют идеи, имеющие философский характер. Например, фатализм (от лат. *fatum* – рок, судьба) и индетерминизм (от лат. *in* – отрицание, *de* – о и *terminus* – предел, конец, граница) – мировоззрения, исходящие из идеи зависимости людей от внешних сил – судьбы (идея предопределения) или же случая (чего-то неопределенного, чего угодно). Идея зависимости служит основой различных систем зависимости: природных, исторических, социальных, естественных, искусственных, правовых, моральных, эстетических, религиозных и т.д. Например, труд в качестве основы существования человеческого общества является основой других социальных зависимостей: от развития орудий труда, производственных отношений, отношений собственности. Отношения собственности служат источником систем рабовладельческого, феодального, буржуазного, социалистического, постиндустриального, маргинального и др. мировоззрений.*

Разрешение вопроса об отношении философии и мировоззрения наглядно (здесь: реально) показывает следующее определение философии:

[11] философия – это основательное мышление.

Понимание философии как науки о далее необоснованных (до собственно философской работы над ними) основаниях берет начало с идеи *первой философии* в учении Аристотеля (384–322 до н.э.). В более поздней философии, точнее – новейшей, такое понимание философии было отброшено, поскольку давало философии право устанавливать основания существования, познания и любого другого рода деятельности (политического, правового, морального и т.д.). Однако проблема нахождения и прояснения таких оснований остается, изменяется как раз способ их принятия. Более того, отбрасывание фундаментализма (или «фаундизма», как сейчас модно говорить) – мировоззрения, интеллектуального движения, связанного с выдвиганием оснований и строгого обоснования мироустройства, более конкретно: мира чувств, мыслей, поступков, волеизъявлений и т.д. предполагает замену оснований, мировоззрений и первой философии (метафизики) на то, что обозначается в ходе его критики.

Критика понятия *основание* имеет следующие направления:

1) считается, что в философии при помощи *операции обоснования* познание подчиняет себе действительность;

2) *полагание оснований* признается рациональным действием, отождествляющим искусственную логическую конструкцию и реальность;

3) *основание* предполагает другие понятия, создающими жесткую единообразную структуру мира, это – понятия *сущность, субстанция, единое, закон, причина* и др.;

4) само по себе *безосновное* (необоснованное) *основание* принимается или по соглашению (установлению) ученых, или по внешнему произволу политиков, идеологов, философов, богословов;

5) *основание* предполагает установление некоего миропорядка (научного, политического, нравственного и т.д.), и такой порядок есть не что иное как разум (научный, политический, нравственный и т.д.); другими словами, принятие какого-либо основания имеет своим следствием веру в тот порядок, который оно (основание) устанавливает, в том числе и *веру в разум*. Утверждение французского философа Рене Декарта (1596–1650): «Я мыслю, следовательно, я существую», – является убеждением, прошедшим испытание методологическим сомнением, анализом, а именно: верой в силу человеческого ума *быть* основанием истинной жизни людей. В этом смысле философию можно сравнить с *архитектурой*,

которая первоначально, у древних греков, имела значение *сверхстроительства, построения самих начал*, при котором порядок жилища был тождественен представлению о порядке мира. Природа основания всякий раз оказывается парадоксальной для обыденного и здравого ума, поскольку основание и его миропорядок (разум) превосходят рассудок, связывающий и рассчитывающий единичные явления в абстрактные понятия и схемы.

Проблема *основания* заостряется при обосновании изменений, реформ, перестроек, поскольку требует замену одних оснований другими. История общества, философии и науки чревата *кризисами оснований*. Например, математика, считающаяся образцом научности, и её история служат весьма интересным примером возникновения и разрешения подобных кризисов (в XX веке решениями кризиса оснований математики стали *интуитивизм, логицизм и конструктивизм*).

В современной философии, прежде всего в неклассическом её направлении, понятие *основания* заменяется *укорененностью*. Укорененность имеет значение реального источника, но не предела, границы явления или события. Укорененность не предопределяет явлений и событий, но связывает их с жизненной основой, которая имеет подвижный характер. К примеру, «всеобщее» человеком не переживается, и остается для него абстрактным представлением. Не случайно, что такие традиционные философские понятия, как «дух» и «материя» теряют своё актуальное («действенное») значение, и все более заменяются понятиями «бытие», «жизнь», «тело», «язык» и др. Для дальнейшего изучения философии вполне достаточно иметь в виду различие между основанием и укорененностью, но не разделять их, для того чтобы быть способным проводить обоснование, указание на необходимость и достаточность рассматриваемых явлений.

Итак, философия – это архитектура мира и мировоззрения, построение мира с его рациональных начал, оснований. При помощи философии человек не только воспринимает мир, но и создает, конструирует его, другими словами вносит в него некий смысл. Внесение смысла в жизнь или мир – это своеобразная форма подчинения, обладания или власти над миром и людьми. Это обстоятельство может служить основой неприятия какой-либо формы мировоззрения, *общей и безличной формы*, направленной против свободы мысли индивида и внешней для него. Поэтому вполне правомерным является различие *мировоззрения и идеологии*. Идеология, именно в сравнении с мировоззрением, служит задаче подчинения людей какой-либо идее, которая, в таком случае, является объединяющим началом. Двадцатый век представляет собой выражение сражений разного рода идеологий, прежде всего «капиталистической» («либеральной») и «коммунистической» («тоталитарной»). Ясно, что обозначения, приведенные в скобках, требуют серьезных уточнений.

Мысль – это всегда подчинение и служение высшему началу. Однако это положение требует уточнить: 1) мысль – это свободное подчинение и 2) высшему началу человека.

[12] *Философия – это свобода мысли*. Мысль тождественна постижению начала человека, и, следовательно, свободе. Таким началом может быть природа, бытие, дух, разум, чувства, воля и т.д. *Философия – это непосредственное отношение мысли к бытию, чувствам, воле*. Отдавать себя на волю случая или чувств, пусть даже возвышающих (и потому «восхищающих»), – это одно, другое – следовать за ними. В первом случае человек растворяется в стихии, во втором – подчиняется такому началу, которое является смыслополагающим.

Обращение к началам тождественно великим и важным поискам великого и важного. Это объясняет привлекательность и очарование философии и её языка, способность философии поднимать человека над наличным существованием к свободному установлению, пониманию и исследованию *наиболее достойного*. Современный философ *Петер Козловски* (р. 1952) выделил *поэзофилософию*, которую отличает творческое, поэтическое начало, осуществляемое посредством свободного языка. Интересным примером здесь может слу-

жить существование *гемопоэтических стволовых клеток*, источника кроветворения, находящихся в костном мозге.

Фридрих Ницше (1844–1900) верно заметил: «Философия начинается с законодательства о великом»¹⁹.

В самом деле, *мысль, свобода, начало жизни, наиболее достойное, великое – это одно и то же*. Из этого положения следует такое определение философии:

[13] *философия – это установление и исследование великого и наиболее достойного*. Такое понимание философии совпадает с характеристикой человеческого существования, в которой человеку важно не только сохранить свое достоинство, но и установить его в центре мира. Здесь вполне можно согласиться с утверждением *Мартина Хайдеггера*: «Метафизика есть основное событие в человеческом бытии»²⁰. На возражение, что Хайдеггер жестко разделял *философию и метафизику*, можно ответить: такое различие является сугубо философским, различием, предполагающим философское развитие.

Мировоззрение – это, прежде всего, *кругозор человека, его картина мира, понимание жизни*. Мир человека – это его эмоции, переживания, чувства, ценности, абстрактные представления и *их предметы*, отношения к которым имеют характер, выражаемый понятиями *тождества и различия*. Мировоззрение можно обозначить термином *космофикация* (греч. *kosmos* – мир и лат. *facio* – создаю), термином, включающим в себя действие человека по созданию и утверждению своего мира и себя самого, в чем-то близкому понятию *идентификация* (лат. *idem* – тот же самый и *facio* – делаю). Однако все же дело не в терминах, а в понимании сложнейших, реальных процессов нахождения людьми своего начала, предназначения, смысла и ориентиров жизни, что явно и неявно, в различных степенях усилий, в условиях житейской суеты и забот имеет место, и приобретает иногда решающее значение, точнее – *значение решения*.

[14] *Философия, по своей природе, есть область решений*. Решения предполагают сплав человеческих способностей в некую *разрешающую целостность* страстей, чувств, воли, интуиции, ума и т.д. *Философия и есть разрешающая целостность*, ведомая разумным усилием. Философия – это целомудрие. *Мысль скрепляет и освобождает человека*. Простейшим примером здесь служит способность собираться умом и избавляться от иллюзий, источником которых являются сами люди. Не случайно, что многие мудрецы-пророки обладали физиологическими недостатками – слепотой, хромотой, безумием, косноязычием и т.д. Дело не в некой «отмеченности свыше», а в разрушении круга «нормального» существования и способности смотреть на мир и людей как бы со стороны. Мудрецы видели не физическими глазами, а *умом*, отсюда пошло понятие *созерцание, или умо-зрение*.

В общем, отношение философии и умозрения можно свести к следующим пунктам:

1) философия и мировоззрение имеют в виду весь (обозримый, окрестный, *окоём*, наблюдаемый) мир, собирают его *в единство* (эмоциональное, чувственное, волевое, понятное), поэтому это одно и то же, а именно: *отношение к миру*;

2) мировоззрение – это весьма общее отношение к миру, весьма общее в том смысле, в каком включает в себя без разделения (анализа) *эмоциональное, чувственное, волевое, бессознательное, рассудочное, оценочное и т.д. восприятия мира*, а также *философское мировоззрение*; более того, и мировоззрение, и философия по своей природе имеют всеобщий, универсальный, охватывающий, всеобъемлющий характер, носителем же этой всеобщности может быть как отдельный человек и его поступки, так и общности людей, от отдельных групп до человечества; это означает, кроме всего прочего, что отдельный человек принимает

¹⁹ Ницше, Ф. Философия в трагическую эпоху Греции // Воля к власти / Ф. Ницше; пер. М. Козлова. – М.: Изд-во ЭКСМО; Харьков: Фолио, 2003. – С. 152.

²⁰ Хайдеггер, М. Что такое метафизика? // Время и бытие: ст. и выступления / М. Хайдеггер; пер. В. В. Бибихина. – М.: Республика, 1993. – С. 26.

общие идеи и подчиняется им или вырабатывает их специально для себя, т.е. мировоззрение и философия это формы убеждения, но никак не насилия, принуждения; *философское мировоззрение стремится к универсальности как таковой (в чистом виде, как говорят философы), смыслополагающим и основательным (фундаментальным) формам и имеет рациональный характер;*

3) философия, в силу своей рациональности, служит обоснованием, объяснением мировоззрения.

Последнее положение позволяет сделать важный вывод:

Каждый человек, поскольку он стремится объяснить, обосновать свое мировоззрение, отношение к миру или жизни, является философом.

До сих пор речь шла об *отношении философии и мировоззрения вообще*. Утверждение о том, что *мировоззрение является реальным определением философии*, получает свое дальнейшее подтверждение при анализе отношения философии и других видов мировоззрения. Здесь важно заметить, что любое определение есть форма *тавтологии*, тождества, поэтому, к примеру, анализ отношения *философии и искусства*, в общем виде, показывает, насколько философия является искусством, и наоборот. Другими словами, полный анализ природы философии предполагает пройти путь идентификации, отождествления философии с другими видами мировоззрений: религиозным, обыденным, научным и т.д.

В предлагаемом Введении делается выбор-ограничение, а именно рассмотрение только одного отношения *философии и науки*. Этот выбор можно обосновать прежде всего тем, что в современном мире научное мировоззрение является наиболее действенным, определяющим все другие; наука, по существу, есть та сила, от которой зависят все стороны жизни человека. Поэтому анализ отношения *философии и науки* имеет своей задачей показать реальные значения философии, более того, обосновать её право на существование в современном мире.

1.3. Философия и наука

Сама по себе постановка вопроса об отношении философии и науки показывает, что отсутствует прямое, однозначное отнесение философии к науке. «Решение» этого вопроса путем жесткого, заранее определенного ответа (например, наличием упоминаний в качестве первоисточника работ или идей того или иного классика философии) в виде деления философии на «научную» и «ненаучную» есть уход от решения проблемы. Для решения проблемы отношения философии и науки и, следовательно, «научности» философии, прежде всего необходимо показать критерии (мерила) научности, т.е. признаки, на основе которых знание (или сознание) относится к «научному».

В качестве основных критериев *научности* признаются:

1) *объективность*, независимость от людей, которая также имеет значения *беспристрастности, подчинения* процесса познания и познающего предмету исследования, *нейтральность, безразличие* к оценочным суждениям и т.д.;

2) *подтверждаемость на опыте, эксперименте* (данность в явлении или наблюдении, возможность неоднократной проверки при определенных условиях), или эмпирическая истина;

3) *доказуемость*, получение истины при помощи логических рассуждений, имеющих силу мысли, *аналитической истины*, или теории;

4) *системность*, единство определенного научного знания, например, в виде зависимости результатов исследования от его метода, предмета познания – его языка, единство в деятельности субъекта познания – *научного сообщества*, в виде *парадигмы* (греч. *paradigma* – образец), или особого мира, создаваемого в познании; такой мир состоит из представле-

ний, которые принимают ученые определенного научного сообщества, и составляет эпоху в истории науки.

Объективность научного знания означает его *безличный, отрешенный от всего человеческого* (антропоморфного) характер, и есть выражение стремления ученого к познанию самих вещей, явлений и событий, что и выражается в идеале *беспристрастности*. Мы можем сказать: «Здесь холодно». Это высказывание будет обозначением наших ощущений. И если для его проверки мы будем обращаться к обратным ощущениям, то ученый (к примеру, им будет санитарный врач) измерит температуру воздуха с помощью прибора-термометра, показания которого будут безразличны к нашим ощущениям. В качестве исторического примера можно вспомнить отречение *Галилея (1564–1642)* от своих взглядов на устройство Вселенной. Галилей способен был совершить такое отречение, поскольку был ученым, и его мнение здесь имело весьма небольшое значение по сравнению с истиной, которая открылась ему в виде объективного, независимого от него знания. В то же время *Джордано Бруно (1548–1600)* не мог этого сделать, т. е. отказаться от своих взглядов, поскольку предложенная им картина мира совпадала с его личными убеждениями. Бруно, в отличие от Галилея, был, прежде всего, философом, и отречение от своей теории было для него равнозначным отречению от самого себя.

Философия, в отличие от науки (и, прежде всего, естественных наук), всегда явным образом содержит в себе, имеет в качестве своего начала точку зрения человека, рассматривает мир с точки зрения человека, и главное (заглавное) для неё, это – *единство (тождество) и различие мира и человека, объективного и субъективного, материального и формального, фактического и ценностного, единичного и общего, и т.д.* Для философии существует внешний, независимый от людей мир, но сами эти предикаты-определения «внешний», «независимый», «объективный» предполагают действие отделения *от человека*. В этом случае философское понимание человеческих способностей – *чувств, воли, мышления* – заключается в том, что они рассматриваются в качестве посредников между противоположными делениями мира.

Более того, «чистота» различия субъективного и объективного имеет сугубо теоретический характер и служит условием *истинности* форм знания и основой другого важнейшего различия – между истиной (объективностью) и ложью (субъективностью).

[15] *Философия – это способность проводить различия, имеющие значения (характер) полагания, утверждения или отрицания смысла.* Различие между кошкой и собакой непосредственно наблюдаемо по признакам, которые приписываются существам, называемыми «кошка» и «собака». Для различия же между, например, материальным и формальным требуются такие средства, которые способны установить ненаблюдаемое, невещественное, и с этой точки зрения несуществующее. В самом деле, существуют белые розы, белые лебеди, белый снег, но «белизна» нет. Согласно теории предметов *Алексиуса фон Мейнонга (1853–1920)*, «белизна» – это реальный, но не существующий предмет, выражающий отношения между существованиями (белая стена, молоко и т.д.), их различия и тождества (различие между красным и зеленым, тождество осенних кленовых листьев, выражаемое в числе «пять»). Здесь можно оставить понимание различия между понятиями «реальное» и «существующее» в интуитивном виде, поскольку эти понятия требуют тщательного анализа источников их происхождения и контекста применения. Древние философы-*стоики* создали понятие «*лектон*» для обозначения телесного характера смысла вещей. Другими словами, здесь смысл вещей заключен в их «теле». Тело – это смысловая оболочка вещей, или то, что их охватывает в виде «вот этой вещи», например, «ласточки». Охватывание – это не рассудочное отвлечение, абстрагирование от реального содержания явлений, а собирание их в форму, предел, границу, или *в смысл*.

Известное различие между *предметным значением* (которое получается посредством отнесения, референции слов к их предметам) и *смыслом-мыслью*, существующим (-щей) независимо от предметного значения, которое предложил немецкий логик *Готлоб Фреге (1848–1925)*, следует отнести к самой сути всей философии. Дело в том, что при отрицании у философии собственного предмета познания, и, следовательно, статуса науки, весьма строго обоснованного аргумента против философии, лежащего в основе утверждения о «смерти философии», философия сохраняет за собой задачу *смыслополагания* предметов научных исследований, прежде всего имеющих значение «научных миров», которые и обозначаются понятием *парадигма*.

Другое важное следствие из различения между предметным значением и смыслом, которое помогает анализу отношения философии и науки, заключается в том, что *философская*, в подлинном смысле этого слова, *мысль обладает объективным характером*. Такая мысль тождественна *разуму*. В самом деле, имеются научные понятия, например *единство мира*, которые по своему значению не являются предметом научного познания, а мыслью, служащей предпосылкой, основой и направляющей идеей, объединяющей все многообразие научных исследований. Итак, можно заключить, что *философия отвечает критерию объективности, или научности*.

В отличие от других наук, прежде всего естественных, *философия не имеет опытной, эмпирической основы*. Другими словами, философы не ставят экспериментов, не проводят опытов так, как это делают химики, физики, биологи, геологи, археологи, медики и т.д. Это обстоятельство служит основой для утверждения, что философские понятия ничего не показывают в реальном мире, в котором отсутствуют предметы их обозначений, или так: философским понятиям не соответствует ничего реального, они не могут образовывать предметов, имеющих характеристики *истинности или ложности*. Философия, с этой точки зрения, есть не реальная, предметная деятельность (в самом деле, философия не занимается производством, удовлетворяющим жизненные потребности людей в пище, жилье, средствах сообщения), а некая вторичная деятельность, «деятельность деятельности», проясняющая виды деятельности: познавательную, производственную, управленческую, политическую и т.д. *Философия – это методология научного познания, логический анализ языка, средств, метода, оснований, условий и предметов научных исследований*.

Итак, можно заключить, что при отсутствии собственных эмпирических методов познания *философия отвечает критерию эмпирической подтверждаемости косвенно, тогда, когда работает в качестве анализа научного и других видов познания, имеет поэтому характеристики не истина/ложь, а смысл/бессмыслица*.

Это ведет к отождествлению философии и логики, прежде всего логики науки. Например, с этой точки зрения, *философия математики – это логика математики, её оснований, языка и методологии*. Здесь философское знание и истина имеет *аналитический характер*.

Такой подход к философии может встретить возражение, направленное против сведения философии к формальной истинности, изучению не содержания познания, а его форм. Каким образом философия способна ответить на свой фундаментальный вопрос, *что есть истина*, если к ней не применяются характеристики «истина» и «ложь»?

Одним из наиболее распространенных ответов на этот вопрос служит понимание философии в качестве *синтеза* научного познания. Таким образом, философское знание (и истина) является *не аналитическим, а синтетическим*, подтверждаемым всем научным познанием своей эпохи.

И здесь возможны возражения, например, такое, что философия в виде синтеза знания пользуется не своими, а чужими истинами.

Решение проблемы научности философии показывает сама наука. Дело в том, что наука разделяется на *эмпирическое и теоретическое познание*, и существует проблема отноше-

ния между этими видами познания, источником которой является несводимость (*нередуцируемость*) теоретического к эмпирическому. Теоретическое познание выходит за границы опытного, экспериментального, отделяется от непосредственного воздействия на предметы, так, что становится *другим действием* – «до», «в (внутри)» или «после» физического действия. Это позволяет направлять опыт, осмысливать его результаты, а также расширять, усиливать познание посредством теоретических открытий, *интуиций*. При стремлении к «чистоте» эксперимента, последний всегда включает в себя теоретические предпосылки, а теоретические обобщения имеют свое начало в опыте, при обозначении явлений, так называемых «эмпирических обобщениях», «конвенциях», «карт мира» и т.д.

Теоретическое познание расширяет и понятие истины. Критериями истины становятся не столько виды продуктивности эксперимента, сколько форм мышления, например, *аналитическая (критическая по отношению к любой теории), доказательная, предсказательная способности*.

Это следует отнести и к философии. Философия является исключительно теоретическим познанием, силой мысли, способной выходить за границы чувственного опыта. Вопрос заключается в понимании такого выхода, его пределах, задачах и последствиях. «Теория» – слово греческое, означает «видение», «созерцание». В строгом значении, выход за границы опыта невозможен. Опыт – это то, что позволяет открывать действительность. Опыт – это «выход» в реальность, но нет смысла останавливаться на её пороге. Теория расширяет опыт, когда *видит* его: его форму (образ). Это означает, что теоретические (и философские) понятия суть формы, образы самой действительности, могущие иметь внешний вид произвольных конструкций.

Современные ученые, как правило, отмежевываются от философии, от груза чуждых им философских умозрений. Наука требует строгого служения. Однако при теоретической работе грань между наукой и философией столь незаметна, что ученые как бы производят естественный отбор философских идей, с необходимостью приходят к понятиям, разработанными, пусть в неприемлемой для ученых манере излагать, философами. Например, так произошло с понятием *бессознательного*, одного из основных понятий в учениях *Лейбница, Шеллинга, Шопенгауэра и Ницше*, ставшего основополагающим в современной психологии (и культуре) благодаря работам *Зигмунда Фрейда (1856– 1939)* в значении *динамического бессознательного*.

В общем, во взаимоотношении философии и науки можно выделить два основных пункта:

1) в каждой науке имеются положения, которые служат её основой, и недоказуемые в рамках самой науки – *аксиомы* (греч. *αξίωμα* – *принятое, бесспорное, достойное уважения*), принимаемые по соглашению между учеными («Пусть...»); именно эти основополагающие научные положения являются предметом философии, поскольку философия берет на себя *дело («бремя») их доказательства и объяснения*; например, это принципы единства мира, симметрии, взаимодействия, элементарности (простоты) и комплементарности (сложности) и т.д.;

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.